

Александр Анатольевич Доманин
Крестовые походы. Под сенью креста

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590065
А.Доманин. Крестовые походы. Под сенью креста: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4536-9*

Аннотация

Настоящая книга обращается к одной из наиболее ярких страниц Средневековья – крестовым походам в Святую землю.

Это время, когда героизм и благородство соседствовали с небывалой жестокостью и коварством, когда две великие цивилизации сошлись в священной войне не на жизнь, а на смерть.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей, а также может быть использована как источник дополнительного материала при изучении истории Средних веков.

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Доманин

Крестовые походы. Под сенью креста

От автора

Эта книга посвящена одной из интереснейших эпох мировой истории – временам крестовых походов в Святую Землю. В последнее время тема эта вызывает неизменный интерес читателей: выходят книги и фильмы, посвященные крестоносцам, в некотором смысле можно говорить даже о моде на Средневековье. Но актуальность проблемы имеет не только положительную сторону. Появилось много произведений, в которых крестоносное движение трактуется однобоко, а в некоторых присутствует большой налет мистицизма; другие сплошь и рядом заполнены фактическими ошибками. Крестоносцев хотят показать не такими, какими они были, а такими, какими они представляются тому или иному автору. Отсюда – чрезвычайный разброс мнений о «Христовых воинах» – от кровожадных монстров, интересующихся только наживой, до рыцарей без страха и упрека в белоснежных одеждах Добра.

Я постарался представить максимально взвешенный, насколько это в моих силах, взгляд на крестоносное движение. Книга опирается на строго реальные факты истории, и лишь там, где исторические источники не дают однозначного ответа, я позволил себе предложить читателю собственную версию событий. Но и в этих версиях – например, об основании тамплиерского ордена или византийском влиянии на клермонскую проповедь, я старался придерживаться общей исторической линии и учитывать все известные факты. Вам судить, насколько мне это удалось.

Во время работы над книгой мне помогали многие люди, за что им огромное спасибо. Особо я хотел бы отметить Вадима Флягина и Григория Дубину, оказавших мне неоценимую техническую поддержку; Анну Хазину, предоставившую великолепный материал для иллюстраций, и Андрея Кикеева, взявшего на себя неблагодарный труд быть первым редактором еще сырого произведения. Но особую благодарность я хотел бы выразить моей жене Светлане, которая была и моим редактором, и машинисткой, и консультантом, а, честно говоря, настоящим ангелом-хранителем книги. Без нее этот труд просто никогда не был бы написан.

Александр Доманин.

Глава 1

Западная Европа на рубеже тысячелетий

Палестина, 15 июля 1099 года. Тяжкий, свирепо жаркий день самой середины лета. День поистине судьбоносный для мировой истории. День триумфа христианского Запада, день скорби мусульманского Востока. День взятия Иерусалима крестоносцами...

Эффект этого события был огромен. Не зря в Европе взятие Иерусалима было воспринято как чудо. Воинство ислама, почти пять столетий непрерывно теснившее христианский мир, не просто потерпело поражение. Удар крестоносной европейской рати был нанесен в самое сердце мусульманских владений. Под натиском христиан пал не город – сколько таких городов переходило из рук в руки за долгие века противостояния – пала одна из трех величайших святынь ислама. Это было тем более непостижимо для современников, что в последние десятилетия, после долгого относительного затишья, мир ислама вновь перешел в наступление. Разве витязи мусульманских эмиров не мыли больше своих коней на крайнем западе Ойкумены, у Геркулесовых Столпов? Разве свирепые сельджукские воины, пришедшие из глубин Азии и влившие свежую кровь в великий джихад¹, не смотрели всего десять лет назад на стены святого Константинова града, предвкушая скорый победный пир в императорской Галате? Казалось, вот еще одно, последнее титаническое усилие, и зеленое знамя пророка вознесется над святой Софией, а там и над Вечным Городом – цитаделью христианства. И тем сильнее был шок от случившегося 15 июля 1099 года.

Чтобы понять причины этого события, которое христиане Европы объясняли не иначе как промыслом Божиим и великим чудом, а мусульмане – карой Аллаха за грехи, нужно более глубоко всмотреться в ту эпоху. XI век не зря считается переломным в истории Европы, концом долгих Темных веков, рассветной порой цивилизации средневекового Запада. И нам, живущим на рубеже второго и третьего тысячелетий, пожалуй, стоит пристальней взглянуть на мир, отделенный от нас десятью веками.

1000-й год от Рождества Христова действительно был великой вехой в истории западной цивилизации; причем корни этого лежат не в каких-либо политических событиях или технологических достижениях, а в самой толще общественной психологии того времени. Сегодняшнему читателю, живущему в многообразном и стремительно меняющемся мире, мире десятков равноправных религиозных систем, мире грандиозных информационных потоков и Интернета, достаточно сложно понять мышление тогдашнего жителя Европы. Безраздельное господство христианской идеологии, помноженное на чрезвычайную суеверность всех и каждого, от короля до последнего простолюдина, создало уникальное явление, аналогов которому, кажется, нет в мировой истории. 99% западноевропейцев, и в том числе подавляющее большинство католического духовенства, было убеждено, что 1000-й год станет Последним годом, годом конца света, Страшного Суда и Второго Пришествия Христа.

Вера в близкий конец света, действительно, была почти всеобщей. Лишь немногие образованные монахи и церковные иерархи, ссылаясь на авторитет Писания, утверждающий, что дата Второго Пришествия скрыта от людей, пытались протестовать против этих взглядов, но им не слишком-то верили. Именно поэтому эсхатологические² ожидания очень сильно отражались на всех явлениях тогдашней жизни. Люди массами шли в монастыри, отказываясь от мирской жизни и замаливая в преддверии Страшного Суда действительные или мнимые грехи. Кое-где даже прекращали обрабатывать землю и уходили нищенствовать.

¹ О сущности джихада и его принципах подробнее см. в главе 14.

² Эсхатология – учение о Конце Света.

Развелось несметное количество юродивых и блаженных, призывающих к всеобщему покаянию перед гибелью мира. Взрыв эсхатологических представлений был настолько силен, что почти парализовал и без того малоразвитые хозяйственные связи, тем самым спровоцировав голод во многих местностях, что, в свою очередь, еще более усугубило ожидание чего-то невероятно страшного. Гробовщики не успевали справляться с посыпавшимися на них заказами (поистине, «кому война, а кому мать родна»), и известно немало случаев, когда люди заранее ложились в гроб, отказываясь от пищи телесной в ожидании конца света. И многие умерли, но так и не дождались...

Демографическая ситуация к концу X века была ужасающей. Рождаемость стремительно падала, многие женщины любой ценой старались избежать рождения детей, чтобы не обрекать их неминуемой скорой гибели и предшествующим ей страданиям. Монашеские обеты, принимаемые в это время тысячами, тоже отнюдь не оздоравливали ситуацию. Практически замерло какое-либо другое строительство, кроме монастырского, но уж зато сами монастыри росли, как грибы. Европа замерла в ожидании 25 декабря 1000 года.

И вот наступил, а в положенный срок прошел этот, ничем в других отношениях не примечательный, зимний день. И... ничего не случилось. Господь, услышав молитвы своей паствы, решил перенести конец света на более поздний срок. И когда осознание этого пришло к людям, вслед за понятной волной небывалой радости явилось понимание простой вещи – надо жить дальше. Рожать и кормить детей, строить дома и мельницы, кому-то обрабатывать землю, а кому-то – охотиться и воевать. Все вроде бы вернулось на круги своя, но это было и так, и не так.

Сама историческая ситуация в Европе в течение X века кардинально изменилась. Это столетие практически подвело черту под тем, что принято называть Великим переселением народов. Безжалостные норманны, терроризировавшие всю Европу в IX веке (именно тогда в текст ежедневной молитвы «Отче наш» стали добавлять слова «...и избави нас от ярости норманнов»), вполне остепенились, превратившись в нормандских рыцарей, вассалов французской короны. Нашествие венгров, последнее крупное событие Великого переселения народов, было остановлено в 955 году на реке Лех, где тяжеловооруженные рыцари Оттона I наголову разгромили легкую венгерскую конницу. А как раз в памятном 1000-м году мадьярский племенной вождь Иштван (Стефан) провозгласил себя королем венгров, приняв корону от римского папы, и тем самым включил Венгрию в состав обычных европейских государств.

К концу X века окончательно рухнула идея каролингской всеевропейской монархии, и началось оформление национальных государств. В 962 году упомянутый Оттон I, в торжественной обстановке папского римского дворца, был провозглашен императором Священной Римской империи. Современники Оттона I видели в этой церемонии только обновление давней франкской традиции, но вскоре коронация 962 года стала представляться неким рубежом; именно с этого года принято отсчитывать историю новой, уже германской, империи. Через двадцать пять лет прервалась и линия западных Каролингов, новым королем Западно-Франкского государства стал представитель местной феодальной знати Гуго Капет, а само это государство все чаще стали называть просто Францией.

Тем самым 1000-й год стал некой границей. После штормов и ураганов Великого переселения народов река европейской истории стала входить в более спокойные берега. Заканчивалась эпоха почти непрерывных войн, отражений набегов варварских племен, когда никто не мог чувствовать себя защищенным. Наконец был разорван круг смерти и разрушения, когда одни народы-завоеватели сменялись другими; готы – гуннами, гунны – аварами, авары – норманнами, норманны – мадьярами. Впервые простой народ мог вздохнуть спокойно, и для него это, конечно, было огромным благом. Но та же, уже уходящая в небытие,

эпоха сформировала и другой класс людей, для которых это благо было далеко не столь очевидным. Мы говорим о рыцарстве.

Тяжеловооруженный всадник

Единственным занятием, достойным рыцаря, была война. И в Темные века³, когда войны и набеги сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, существование рыцарского сословия было не просто оправданным, оно было необходимым. Защита своей земли, своих крестьян была вопросом выживания народа, и рыцари-воины с достоинством несли свой крест. Все более мощным становилось их вооружение, все более отточенными – боевые приемы. Война и подготовка к ней стали для рыцаря уже не занятием – они стали образом жизни. Но вот прекратились набеги, уgomонились норманны и венгры, уже не надо было никого защищать. И что теперь делать бедному рыцарству? Охотиться? Но охота – это лишь развлечение, и перед европейским рыцарством в XI веке вплотную встала проблема – ему надо было оправдать свое собственное существование.

³ Темные века – условное название, данное историками периоду с VI по X век (иногда ограничивают VI – VIII веками).

Вопрос этот усугублялся еще и тем, что после 1000-го года ряды рыцарства стали быстро расти. В самом деле, раз меньше стало войн, значит, стало и меньше гибнуть воинов. А сыновья рыцарей должны быть только рыцарями – это воинским сословием было впитано с молоком матери. Но на всех рыцарей уже не хватало ни земель, ни крестьян. Появляется и растет большая масса людей, у которых нет за душой ничего, кроме боевого коня, доспехов, оружия и умения воевать. Именно это время подарило нам такие рыцарские прозвища, как Робер Неимуший или Вальтер Голяк. А сколько таких Голяков бродило по дорогам Европы? И с этим надо было что-то делать.

Феодалное сословие нашло пусть не самое удачное и всеобъемлющее, но собственное решение этой проблемы – турниры и междоусобные войны. С этого времени начинается расцвет рыцарских турниров – необычного спортивного состязания, в котором легко было потерять не только коня и доспехи, но и самую жизнь. Нечто похожее уже было – гладиаторские бои в древнем Риме – но в рыцарских турнирах было и серьезнейшее отличие: все бойцы принимали участие в турнире абсолютно добровольно и даже с большой охотой. И турниры частично выполняли возложенные на них обязанности – и дать занятие рыцарству, и по возможности поубавить его. Уменьшала число рыцарей не столько смерть на ристалище – такие случаи были все же не так часты – сколько обычай, по которому побежденный отдавал победителю своего коня и доспехи. Хорошо, если у проигравшего были средства заплатить выкуп или приобрести новое вооружение. А если нет? Ведь один рыцарский конь стоил зачастую дороже, чем стадо в сотню коров, недешевы были и доспехи. И потому многие неимушие рыцари, потеряв все, вынуждены были расставаться с рыцарским званием и переходить в разряд оруженосцев или слуг. Жесткие турнирные принципы – проигравший выбывает – одновременно работали и на качественное улучшение рыцарского сословия. Более сильные воины приобретали здесь и дополнительный боевой опыт и, часто, лучшее вооружение; потерпевшие поражение нередко покидали ряды рыцарства, освобождая дорогу более умелым и сильным. Этакая теория естественного отбора, с блеском применяемая на практике.

Конный рыцарь с мечом

Вторым способом направить деятельность рыцарей в привычное для них русло стали в XI веке междоусобные войны. Их нельзя назвать изобретением того времени – споры между соседями за богатство, землю и т. п. стары, как старо само чувство зависти к ближнему. Междоусобные склоки и свары были и в раннем средневековье, но тогда они носили не столь всеобъемлющий и, скорее, эпизодический характер. Постоянная внешняя угроза со стороны тех же норманнов или кочевников требовала не споров с соседями, а, наоборот, единства перед лицом общего врага. Но вот исчез этот внешний враг, рассыпалось бывшее единение, и у каждого из феодалов, от крупнейших землевладельцев до мелкопоместных рыцарей, засвербил в душе червячок зависти. Вот, мол, у соседа и скот упитаннее, и земля тучнее, и ест он из серебряных блюд. А за какие, спрашивается, заслуги? Рассуждения таких феодалов можно и продолжать, но есть ли в этом необходимость? Человеку, увы, свойственно и переоценивать собственные заслуги, и недооценивать достижения других. На все это часто накладывались действительные или мнимые обиды (порой припоминалась и пощечина, нанесенная прадедом одного соседа прадеду другого), и вот уже трубят трубы, грохочут копыта закованных в железо коней: граф, барон, рыцарь такой-то мчится устанавливать новую справедливость.

А после насаждения такой «справедливости» уже сосед, в свою очередь, затаивает злобу и стремится к мести. Замкнутый круг налицо, и война (а, значит, и занятие для рыцарства) обеспечена надолго.

Усилению междоусобных войн немало способствовала и слабость центральной власти в большинстве европейских государств, падение королевского и императорского престижа. Да и сами короли, сохранив номинально верховный сюзеренитет⁴, превратились, по существу, в таких же феодалов, сплошь и рядом с такими же замашками. Так сочетание сразу нескольких обстоятельств привело к тому, что междоусобицы стали явлением обыденным и практически повсеместным.

Но здесь надо отметить, что междоусобные войны XI века значительно отличались от войн предыдущей эпохи. Войны против норманнов или венгров велись за сохранение собственного существования и были, фактически, войнами на уничтожение: «или мы их, или они нас». Соответствующей была и мораль рыцарей того времени, прямая и строгая: «убей врага, защити себя и ближних своих». Новые войны исповедовали другие принципы – признать ближнего, обогатить себя. Смерть врага на поле боя перестала быть целью; больше того, она стала скорее случайным явлением. Стремлением баронов и рыцарей стало не убить соперника, а захватить его в плен и затем получить хороший выкуп. Во главу угла начала ставиться уже не победа как таковая, а личное обогащение за счет конкурента. Под стать этому, стала меняться и рыцарская мораль, и, пожалуй, как раз XI век с его междоусобицами и породил то, что мы сейчас называем рыцарским этикетом и куртуазностью. Даже пресловутые рыцарская честь и рыцарское слово, похоже, берут свое начало именно отсюда.

В самом деле, в непрерывных междоусобицах всех против всех никто не застрахован от встречи с более сильным противником. Даже если ты сильнее всех в округе, всегда можно натолкнуться на объединенные силы нескольких соперников, соединившихся на время, чтобы обогатиться за твой счет. А это значит, что, если ты будешь плохо обходиться с побежденным противником, в следующий раз, может быть, плохо будет уже тебе самому. Нарушишь слово, не отпустишь пленника за назначенный выкуп, и вскоре тебе, возможно, придется платить вдвое. Вежливое отношение к сопернику из своего сословия, верность данному слову были, таким образом, одним из способов обеспечить и собственную относительную безопасность в этом непостоянном мире. А в дальнейшем эти основные принципы развились в рыцарский кодекс чести. Защита слабого – это еще из тех, норманнских и более ранних времен; вежливость (порой до идиотизма – прочитайте, скажем, «Смерть Артура» Т. Мэллори и поймете, о чем идет речь – отчего, кстати, иногда возникает ощущение неестественности происходящего, какой-то игры) и верность данному слову или обету – это веяния уже нового века, века после конца света, который не наступил.

Турниры и междоусобные войны, в общем, неплохо выполняли свои основные функции: дать занятие военному сословию, при этом еще и усилив его боеспособность, и не позволить слишком уж разрастись рыцарскому классу – классу, заметим, непроектируемому, висящему камнем на шее у производительных сил общества. Однако, идеологическая база, оправдывающая такого рода занятия, была довольно-таки шаткой, с некой червоточинкой, что, кстати, хорошо понимали и некоторые умные люди того времени. Но немаловажно, что ущербность этой новой жизненной философии понимал, пусть и неосознанно, и простой народ, и даже сами феодалы.

И впрямь, даже необразованный крестьянин мог теперь задуматься: а от кого же обороняют меня наши доблестные защитники-рыцари сейчас, когда нет ни норманнов, ни венгров, ни какой-то другой внешней угрозы? Получается, что от самих себя – точнее, от таких

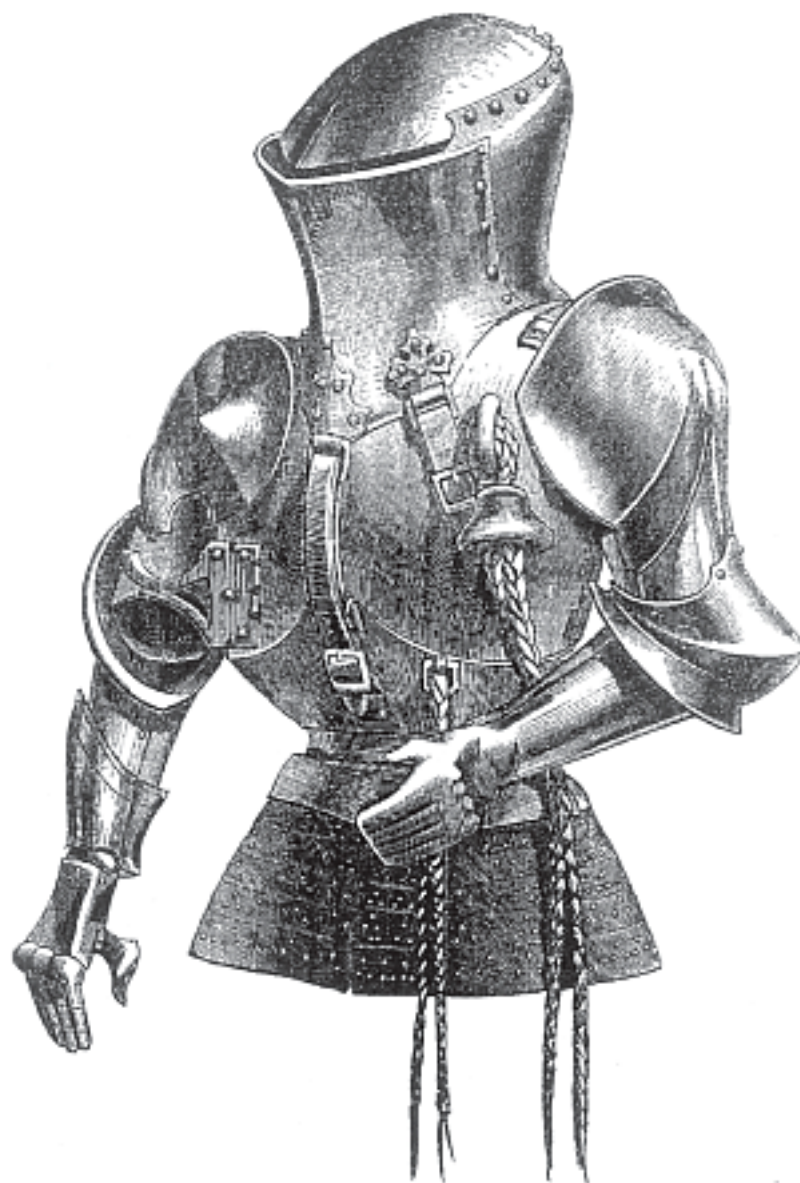
⁴ Сюзеренитет – юридическое понятие, обозначающее более высокий уровень властных полномочий. Например, граф – сюзерен рыцаря, король – сюзерен графа; над королем сюзерена нет, он – вершина феодальной иерархии.

же, как они. Ну, а от таких крестьянских мыслей всего один шаг до вывода: «так если этих рыцарей-вояк разогнать – и войн не будет, и разорения, и работать я буду не на них и на барона из замка, а на самого себя». И очень опасны были для феодалов такие мысли, нет-нет, да и возникающие в крестьянских головах! Былое единство войска и народа (народа, к тому же жестоко угнетаемого этим самым войском) начало давать серьезную трещину. Требовалась новая объединительная идея, надо было создать нового общего врага, чтобы оправдать перед людьми само существование феодального класса. Давление пара в котле, называемом «простой народ», нельзя было повышать до бесконечности.

И здесь, наверное, самое время рассказать, в каком же положении находился этот пресловутый «простой народ» после неожиданного для многих, но такого удачного разрешения «проблемы-1000». А если выражаться языком науки, – в каком состоянии находились производительные силы западноевропейского общества после 1000-го года.

Ранее уже говорилось, что к началу XI века экономика Европы представляла собой довольно удручающее зрелище. Налицо было полное господство натурального хозяйства, когда все необходимое для жизни производилось в рамках небольшой хозяйственной общины и здесь же, на месте, потреблялось. Технические и производственные достижения античности были забыты или почти не использовались. Пожалуй, только в вооружении, предмете абсолютно необходимом для того времени, был замечен некоторый прогресс. Длинный рыцарский меч из довольно качественной стали, кольчужный доспех, закрывающий все тело воина, стремяна и железные подковы для боевых коней – вот основные достижения в военном деле по сравнению с античной эпохой. Ну, а в других отраслях хозяйства дела обстояли значительно хуже.

Достаточно развитая система товарно-денежных отношений, построенная в эпоху античности, за время Темных веков была полностью разрушена. Деньги практически вышли из употребления; при необходимости приобрести какие-либо вещи применялся простой товарный обмен, выражаясь современным языком – бартер. Даже налоги и поборы собирались почти исключительно в натуральном виде. В XI веке ситуация стала меняться, хотя и не очень быстро.

Рыцарский доспех

В изменении экономического положения огромную роль сыграл уже известный нам психологический момент, связанный с ожиданием несостоявшегося конца света. Когда схлынула первая волна восторгов по поводу Божьего разрешения жить дальше, стало ясно, что существовать так, как раньше, хотят далеко не все. Людям, психологически освободившимся от висящего над ними дамоклова меча близкой смерти, захотелось жить лучше и веселее, причем это коснулось всех классов общества. Вдруг появилась настоящая необходимость в новых (и красивых) одеждах, возникло стремление к вкусной еде, приносящей радость, а не просто удовлетворяющей чувство голода. Влечение к лучшей жизни для себя и своих детей стало стимулом к развитию производительных сил общества.

Даже в архаическом и консервативном земледелии с этого времени все более заметны перемены. Началось улучшение сельскохозяйственных орудий. На смену полностью деревянной сохе пришли сохи с железным сошником и плуги со стальными лемехами. В XI веке широчайшее распространение получает хомут, пришедший в Европу, вероятно, вместе с повозками кочевников-мадьяр. Применение хомута вызвало настоящую революцию в экономике того времени. Во-первых, хомут позволял использовать лошадей как тяговую силу в сельском хозяйстве, что дало возможность сразу в несколько раз увеличить производи-

ность труда при вспашке – самой трудоемкой из сельскохозяйственных работ. Во-вторых, это нехитрое приспособление позволило присоединить к лошади телегу, как, впрочем, и любое другое транспортное средство. До этого при быстром передвижении практиковалась почти исключительно езда верхом. Новый транспорт сразу показал свои преимущества – большую грузоподъемность, при возможности весьма дальних переездов, до пятидесяти километров в день. Значение этого трудно переоценить: ведь теперь любой крестьянин, вообще любой житель мог вывезти продукт своего труда, произведенный сверх необходимого ему самому, на продажу. А это, в свою очередь, побуждало к потребности производить больше товаров. Немного утрируя, можно сказать, что хомут стал отцом торговли и товарного рынка и матерью ремесел.

Применение гужевого транспорта дало толчок развитию торговли. А логика торговых отношений вела к тому, что появилась необходимость скопления товаров в одном месте. Так начали образовываться рынки. Возникали они, как правило, в деревнях, являющихся центром округа, на берегах рек или пересечении дорог, часто возле феодальных замков и старинных римских крепостей. А рынку, где скапливались немалые для того времени ценности, требовалась и дополнительная защита, так что вокруг этих небольших торговых центров вырастал частокол, а самые важные из них окружались стенами.

Такие торговые поселения оказались очень привлекательными для тех, кто мог производить качественные и пользующиеся спросом товары: сельскохозяйственные орудия и упряжь, ткани и оружие. А перебравшись сюда на жительство, новые поселенцы постепенно стали заниматься только производством товаров на продажу, благо любой необходимый для дома и семьи продукт можно было купить или обменять здесь же на месте. Именно эти жители, называемые теперь ремесленниками, и составляли вместе с торговым людом – купцами, лавочниками, менялами – население новых рыночных центров – городов.

Шлем рыцаря

Возникновение городов, рост товарного производства и торговли подтолкнули и техническую мысль того времени. С XI века в Европе появляется и получает хождение хорошо известное нам слово «инженер». Тогда оно, правда, означало не совсем то, что сейчас. Происходит оно от латинского слова, означающего врожденные способности, и, соответственно, им стали называть изобретательных, талантливых и просто умных людей. Такие «инженеры» ездили по городам и весям Европы и внедряли разнообразные технические новшества. Часто это были вовсе и не новшества, а просто забытые достижения античности – водяное колесо и водяная мельница, строительные приспособления с блоками и шкивами. Большой заслугой средневековых инженеров было изобретение шахтных печей в металлургии, позволивших значительно повысить количество и качество выпускаемого железа. Но, пожалуй, крупнейшим триумфом технологии XI века было изобретение и повсеместное внедрение горизонтального ткацкого станка с непрерывным циклом работы. По производительности этот станок в несколько раз превосходил старый вертикальный, и его применение сделало текстильную отрасль самой динамично развивающейся в тогдашней Европе.

Успехи товарного производства, некоторое улучшение качества жизни (которое, впрочем, не следует переоценивать), прекращение крупных взаимоистребительных войн заметно отразились и на демографической ситуации в западноевропейских странах. После нескольких столетий демографического спада, когда население не только не росло, но и постепенно

сокращалось, в XI веке Европу ожидал настоящий демографический взрыв. За неполных столет, от 1000-го года до начала первого крестового похода, население европейских государств выросло, по разным оценкам, на 30-40% и к 1095 году достигло, по-видимому, тридцати пяти миллионов человек.

Следует, однако, сказать, что такой бурный рост численности жителей был для Европы не только благом. Ограниченная площадь пахотных земель, к тому же искусственно сдерживаемая жестокими законами об охоте, плодила все возраставшую армию крестьян, лишенных земли, а следовательно, и средств к существованию. И вот так, на фоне общего роста благосостояния (весьма, правда, относительного) появляются сотни тысяч, если не миллионы людей, либо прозябающих на положении бедных родственников, либо вынужденных идти в пожизненную кабалу к феодалу, либо просто уходящих нищенствовать по деревням и у ворот монастырей. В сами монастыри вход им был заказан, ибо поступление в монахи требовало немалого вступительного взноса. В конце концов, эта армия голодных оборванцев начала пугать даже всемогущую католическую церковь. Чтобы не допустить социального взрыва, угрожавшего и спокойной монастырской жизни, и замкам феодалов, нужно было предпринимать какие-то кардинальные действия. Именно это и стало в XI веке главной задачей католической церкви, по самой своей природе занимающей положение между народом и властью.

Глава 2

Католическая церковь и папство в X – XI веках

Серьезные изменения, происходившие в средневековом европейском обществе XI в., не обошли стороной и еще одну могучую силу того времени – христианскую церковь. XI век стал веком великой реформы церкви, временем, заложившим основы ее почти безграничной власти – если не над телами, то над душами европейцев. Но этот век был и веком Великого раскола единой Вселенской (т. е. всемирной) церкви – окончательного разделения восточной и западной ветвей христианства. Таким образом, это столетие было для церкви во всех отношениях определяющим. Но прежде чем рассматривать те перемены, которые навсегда изменили лицо церкви, взглянем на то, что же представляла собой христианская церковь к уже известному нам рубежу – 1000-му году от Рождества Христова.

Надо признать, что ее положение в этот период никак нельзя было назвать блестящим. Бури, сотрясавшие Европу в предшествующую эпоху, не могли не отразиться и на состоянии церкви. Сильнейший удар по ней, как действительно вселенскому установлению, нанес распад империи Карла Великого – наследницы славы Римской империи. К концу IX века этот распад стал окончательно свершившимся фактом. А вместе с Империей рухнуло и то, что складывалось веками – единая имперская церковь – особый общественный институт, этакий симбиоз светской и духовной власти, который начал складываться еще при Константине Великом. Именно в это время западная церковь (в восточном христианстве происходили свои серьезные события, но о них сейчас речь не идет) вступает в период, который позже называли «темным столетием».

Глубокому упадку, поразившему церковь, в немалой степени способствовали и разрушительные набеги норманнов, арабов и венгров. Разрушение храмов, массовая гибель паствы и клира⁵, неспособность церковных деятелей противопоставить что-либо этим смертоносным нашествиям – все это вызывало в обществе глубокое разочарование и в христианских идеалах, и в самой миссии церкви как общественного установления.

Наиболее острые формы кризис церковной жизни принял в Западно-Франкском королевстве, Лотарингии и Италии. Повсеместной стала торговля духовными должностями – епископов, аббатов и т. д. Купивший должность светский феодал или простой мирянин открывал себе путь к обогащению за счет паствы, получению обширных земельных владений и значительных властных полномочий. Такую практику в церковной жизни именовали «симонией» – по имени известного евангельского персонажа Симона Волхва, пытавшегося купить у апостолов «дары Святого Духа». Конечно, вчерашние миряне, в одночасье ставшие церковными иерархами, далеко не всегда стремились соблюдать установленные церковью законы и обычаи. Так, почти повсеместно нарушался celibat – традиция, запрещавшая священнослужителям заводить семью. Вообще, рост влияния мирян в церкви привел к значительной порче нравов духовенства и монашества, к обмирщению церкви: и клирики, и даже монахи подражали в быту светским феодалам, женились или заводили любовниц, передавали по наследству своим детям церковное и монастырское имущество. Можно себе представить, какой авторитет у паствы имели такие, с позволения сказать, «духовные отцы».

Распад имперской церкви очень сильно отразился и на положении «викариев Святого Петра» – римских первосвященников. Резкое усиление центробежных тенденций в осколках империи Карла Великого привело к тому, что реальная власть сосредоточилась в руках могущественных феодальных кланов. К концу IX века и папство оказалось под контролем мест-

⁵ Клер – священнослужители, монахи, епископы, т. е. общее название лиц духовного звания.

ной римской аристократии и итальянских магнатов. С этого времени папская тиара быстро переходила от одного папы к другому, смотря по тому, какая из аристократических клик оказывалась на данный момент сильнее. Достаточно сказать, что от Марина I до Марина II с 882 до 942 гг., то есть всего за шестьдесят лет на папском престоле попеременно восседало целых двадцать первосвященников – уникальный случай в долгой истории папства. И многие из этих «наместников Христа на земле» покинули грешную земную юдоль не без помощи некоторых особо заинтересованных сторон.

Благословение. Гравюра Г. Доре

Таким образом, в X веке католическая церковь оказалась в крайне тяжелой ситуации. Симония, обмирщение церкви, упавший практически до нуля авторитет папства, наконец, почти полное подчинение священнослужителей местным феодалам – так называемый институт «частной церкви» – могло показаться, что христианская церковь стоит на пороге

гибели. Но именно в это время в недрах католичества появились силы, сумевшие противостоять этому всеобщему гниению и распаду. Этой силой стали монастыри.

Стоит сказать, что монастыри вовсе не были изобретением X века. История монашества как особой формы служения Богу к тому времени насчитывала немало столетий. Первые монахи (кстати, само слово происходит от греческого *monachos* – отшельник) появились в Египте и Палестине еще в III веке. Во второй половине IV века эта форма христианского аскетизма появляется и в Западной Европе: святой Мартин Турский, получивший позднее почетное прозвище «отец монашества», основывает на территории Аквитании несколько монастырей. В то время они представляли собой, скорее, колонии отшельников, нежели то, что в более поздние эпохи называлось «монашеским братством». Регламентация монашеской жизни и появление самого раннего монастырского устава связаны с именем другого католического святого – Бенедикта Нурсийского, основавшего в 530 году в горах близ Неаполя первый бенедиктинский монастырь Монте-Кассино.

На устав монастырской жизни, предложенный св. Бенедиктом, стоит взглянуть более пристально: ведь многие его положения сохраняли свою силу и в более поздние времена – вплоть до наших дней.

Бенедикт определял монастырь как школу служения Господу, где основой жизни монахов должно быть безграничное послушание учителю – аббату, настоятелю монастыря. С послушания начинается воспитание смирения, с точки зрения св. Бенедикта – кратчайшего пути к Богу. Отсюда – строжайшая дисциплина, неусыпный контроль, развитая система наказаний. Придя в монастырь, неофит⁶ отрекается от мира, отвергает его искушения и богатства, ворота обители навсегда закрываются за ним, отрезая от прошлой жизни. Но, между прочим, отказываясь от богатства, поступающий в монахи должен был внести в кассу монастыря очень серьезный денежный взнос. Впоследствии, именно эта система крупных взносов во многом нарушила первоначальные планы основоположников монашества: располагая огромными денежными средствами, бенедиктинские монастыри начали покупать земли и крестьян; физический труд, который св. Бенедикт считал для монахов обязательным, был переложен на плечи мирских работников, а монашество все больше погрязало в праздности. Настоятели монастырей понемногу начали превращаться в таких же феодалов, как владельцы соседних замков; таким образом, всеобщее обмирщение коснулось в X веке и монастырских стен.

⁶ Неофит – лицо, только что принявшее монашеские обеты. Термин применяется также и к людям, сменившим старую веру на новую.

Собор в Фамагусте. Кипр

Подобное положение дел не устраивало многих представителей монашества – в конце концов, большинство монахов было неподдельно предано подлинным Христовым заповедям. Даже сам уход от мира часто был в ту эпоху протестом против обмирщения Церкви, против греховной светской жизни. Поэтому духовное перерождение бенедиктинского монашества вызывало у значительной части искренних последователей первоначальной чистоты христианства недовольство сложившейся в монастырях обстановкой. Эти-то новые веяния в монашеской среде и дали в X веке толчок особому феномену в истории монашества – клонийскому движению, сыгравшему вскоре немалую роль в оздоровлении церкви.

Первый (и главный) монастырь нового типа был основан в 910 году в Бургундии, около местечка Ключни. В отличие от других многочисленных аббатств, Клонийский монастырь с самого начала оказался вне сферы действия «права частной церкви» и вообще был свободен от каких бы то ни было светских властей. Его основатель, герцог Аквитанский, на вечные времена отказался от всяких прав на монастырь и передал его под покровительство папы римского. Эта юридическая формулировка освобождала Ключни в том числе и от власти местного епископа и делала его, в условиях слабости папства, фактически ни от кого не зависимым. И такое освобождение монашества от любого влияния извне, будь то епископ или светский сеньор, стало одной из основ клонийской программы реформ.

В первую очередь, клонийцы направили свои усилия на устранение очевидных нарушений бенедиктинского устава, вызванных обмирщением монастырей. Основной задачей

монашества стала молитва за мирян перед Богом, что, в преддверии ожидаемого почти всеми скорого конца света, имело особое значение. Месса в Ключни отличалась повышенной торжественностью и в течение дня не прерывалась ни на секунду. Непрерывные молитвы, обращенные к Богу, черные одежды монахов, символизирующие отказ от всего мирского, небывало пышная обрядность – все это, особенно по мере приближения фатальной даты, привлекало в Ключни и формирующиеся вокруг него монастыри все большие массы людей. Постепенно в окрестностях Ключни складывается мощное объединение монастырей (в период расцвета ключнийского движения их число достигало трехсот), возглавлял которое аббат главного Ключнийского монастыря, подчинявшийся непосредственно римскому первосвященнику.

Трапезная в монастыре

Борьба ключнийцев за обновление церкви, которая в глазах тогдашнего общества была борьбой за первоначальные идеалы христианства, нашла самый живой отклик в сердцах миллионов прихожан. Резко возросший страх перед Господним гневом, как никогда усилившийся в конце X века, чрезвычайно обострил, к тому же, религиозные настроения масс. Церковь была единственным заступником за человека перед Творцом, и авторитет этого посредника между Богом и людьми, и прежде всего передового отряда – ключнийцев – стал быстро

расти. Монашество, основательно подрастерявшее свой престиж во времена «темного столетия», вновь начало возвращать себе уважение паствы.

Но особенно вырос авторитет клюнийского братства после того, как минула роковая дата «тысячного» года. Ведь в глазах огромного большинства жителей Европы, от последнего нищего до императора Священной Империи, спасение мира от Страшного Суда и Божьей кары было несомненной заслугой клюнийских монахов, «отмоливших» род людской перед Богом. И это новое монашество дало первый толчок тому, что позже стали называть великой церковной реформой.

Клюнийское движение за обновление церкви было поддержано вскоре самыми разными силами: видными идеологами монашества, римским апостольским престолом, германским императором Генрихом III, а с середины XI века – и широким народно-демократическим движением. Это грандиозное по своим масштабам явление имело несколько главных целей, каждая из которых в тот или иной отрезок времени выходила на первый план. На первом этапе важнейшей задачей стала борьба против симонии, тесно связанного с ней «права частной церкви», и за так называемую «чистоту церкви» – то есть, против обмирщения духовенства, нарушения celibата и других католических канонов. Самый острый характер в новых исторических условиях приняла борьба против симонистских священников, а по существу, – против стоявших за ними светских владык, стремившихся, естественно, к сохранению «ручной», «карманной» церкви, находящейся у них в почти полном подчинении.

Одним из удивительных парадоксов данной эпохи, без сомнения, стала поддержка, оказанная монахам-новаторам Генрихом III – императором Священной Римской империи, а, следовательно, крупнейшим из феодалов того времени. Уже по самой природе своей власти обреченный быть главным симонистом, Генрих III неожиданно встает на сторону радикально настроенного духовенства. Этот весьма противоестественный (и кратковременный) союз, безусловно, во многом опирался на самую неординарную личность германского императора, чье несколько экстравагантное мировоззрение позволило ему уже тогда получить полущутливое, полусерьезное прозвище «король монахов». Но, вероятно, немалую роль в подобном решении императора сыграло желание главы светской власти, опершись на сильно возросший авторитет монашества, приструнить зарвавшихся местных баронов, считавших себя в своих вотчинах такими неподконтрольными никому царьками. Как бы то ни было, эта непредвиденная поддержка сыграла очень большую роль в развернувшихся вскоре событиях и позволила реформаторскому движению значительно окрепнуть политически и идеологически. Как раз в годы правления Генриха III оформляются две главные группировки реформаторов: умеренная, главным идеологом которой стал итальянский монах Петр (Пьетро) Дамиани, и радикальная, возглавленная лотарингским монахом Гумбертом.

Петр Дамиани был суровым аскетом-отшельником, искренне преданным идеалам первоначального, «чистого» христианства. Обладая, несомненно, недюжинным ораторским даром, Дамиани вскоре собрал вокруг себя большое число последователей – как из числа монахов, так и из мирян. В своих проповедях Петр-отшельник гневно обрушивался на губительную для церкви практику симонии; немало доставалось от него и священнослужителям-перерожденцам, погрязшим в мирских грехах, и всемогущим светским феодалам. Однако, при всем том, очевидно понимая, что бороться с сим почти повсеместным злом не под силу отдельным отшельникам или даже целым монастырям, Дамиани сделал ставку на союз церкви с верховной имперской властью. Всячески возвеличивая пошатнувшийся авторитет папства, итальянский монах-оратор заговорил о потребности прочного союза между тронem и алтарем, о необходимости того, чтобы духовная власть наделяла светскую «святостью», а светская предоставляла бы духовной защиту. В политике Генриха III, благоволившего сторонникам борьбы с испорченностью церкви, Дамиани видел подтверждение правильности своих взглядов. Он не замечал явной ущербности такой позиции: ведь как

бы Дамиани ни восхвалял саксонскую династию императоров, нельзя было отрицать того факта, что «рыба гниет с головы» – и сам папа в те годы был саксонским ставленником, и многие аббаты и епископы получали власть в обителях и епархиях по соизволению императора. И все же вклад итальянского отшельника в дело церковной реформы трудно переоценить: он стал одним из первых, кто в изменившихся исторических условиях во весь голос призвал к защите священных идеалов христианства.

Аббатство Муассак, которое посетил Урбан II перед клермонской речью

Другим крупнейшим идеологом движения церковных реформаторов стал лотарингский⁷ монах Гумберт из Муайен-мутье. Его позиция совпадала с точкой зрения Дамиани в главном: скандальному торгу духовными местами должен быть положен конец. Однако признание необходимости этого было их единственной точкой соприкосновения; далее у двух духовных лидеров появлялись серьезные расхождения. В своем резком критическом памфлете «Adversus simoniacos» – «Против симонистов» (не будучи крупным оратором, Гумберт предпочел прославить себя на литературном поприще) – лотарингский монах яростно обрушивался на королевскую власть, являющуюся, по его мнению, главной виновницей униженного положения церкви. «Нужно желать французскому королю, – гневно восклицает Гум-

⁷ Лотарингия – область между Францией и Германией со смешанным франко-немецким населением.

берт, – этому сыну ужаса, этому антихристу, новому Юлиану, скорейшего исчезновения, чтобы он не мог увековечить своих нечестивых дел и сажать на епископские, священнические и монастырские места своих любимцев-проходимцев». В глазах Гумберта даже такой «лучший» император, как Генрих III, должен попасть в ад, так как сам прибегает к симонии, назначая по своему усмотрению епископов и аббатов. Он тем самым становится соучастником всех мерзостей, характеризующих продажную и разлагающуюся церковь. «Кто товарищ воров и разбойников, тот и сам становится таковым», – вот жесткое и окончательное резюме неистового лотарингца.

Не останавливаясь на этом, Гумберт обрушивается и на сторонников Петра Дамиани. «Нет ничего общего между королем и истинным представителем партии реформы, и ни о каком союзе между ними не может быть и речи», – утверждает Гумберт, явно направляя эти слова в адрес умеренных реформаторов. Всякое объединение короля (или императора) и священника – зло; усилия церкви должны быть в первую очередь направлены против всякого вторжения светской власти в самостоятельную церковную жизнь; руководство этим «Христовым даром» должно быть исключительно прерогативой апостольского престола во главе с папой римским. Этот важнейший вывод лотарингского Златоуста заводит его гораздо дальше своих предшественников, но вскоре он становится знаменем всех радикально настроенных реформаторов. Программа Гумберта встретила значительную поддержку и у священнослужителей, окружавших папский престол. Среди этого «околопапского» клира постепенно выделяется, а вскоре явно выдвигается на первый план монах Гильдебранд – бывший секретарь папы Григория VI, который впоследствии стал одним из величайших представителей апостольского престола и вошел в историю под именем Григория VII.

В разгар этой яростной полемики как-то незаметно и буднично произошло событие, имевшее огромное значение для всей последующей эпохи. В 1054 году папский легат⁸ в Константинополе, а им был, по странному совпадению, все тот же Гумберт, предал анафеме⁹ и отлучил от церкви константинопольского патриарха Михаила Керулария и отбыл из восточной столицы. В ответ на это срочно собранный византийским императором церковный собор, в свою очередь, предал анафеме папских легатов, а в их лице и самого римского папу. Так началась Великая схизма (раскол), навсегда разделившая восточную и западную ветви христианства. Обе церкви продолжали претендовать на звание вселенской (католической – по латинскому произношению, кафолической – по греческому). Впоследствии, видимо, чтобы избежать путаницы, за восточной церковью закрепилось наименование «православная» (ортодоксальная).

Во время всех этих событий неожиданно умирает император Генрих III. Ему наследует малолетний сын – будущий Генрих IV. В эти дни поднимают голову все противники саксонской монархии – как в Германии, так и вне ее. Крупнейшие германские феодалы весьма неохотно подчиняются регентше при юном германском короле (но не императоре – императорскую корону может возложить только папа), страну сотрясают раздоры, центральная власть приходит в упадок. В Италии события приобретают еще более серьезный оборот. Борьба продажного симонистского духовенства со сторонниками реформ из словесных стычек и взаимных проклятий переходит в фазу открытой войны. И здесь, впервые в истории средневековья, на авансцену выходит «господин народ».

Особенно острый характер носят события в Милане, одном из богатейших европейских городов. Миланцы, уже давно выражавшие недовольство симонистским, погрязшим в грехах, духовенством, переходят от слов к делу. Во главе вспыхнувшего антисимонистского

⁸ Легат – папский посол с высшими полномочиями. Более низкая ступень – нунций.

⁹ Анафема – церковное проклятие.

восстания стоят так называемые патарии («тряпичники»), предводительствует которыми пламенный монах-проповедник Ариальд. Патарии громят дома продажных священнослужителей, закрывают симонистские церкви, наконец, при поддержке большинства населения, изгоняют из города архиепископа со всей его свитой. Миланский первосвященник бежит в Рим, обращаясь с жалобой к папе. Но в то же самое время туда прибывают и представители патариев, с такой же жалобой на архиепископа и симонистское духовенство. Под давлением начальника своей канцелярии – а это все тот же небезызвестный Гумберт – и других лидеров радикального крыла реформы, папа принимает сторону патариев. Так в первый (и, кажется, единственный) раз в истории складывается союз апостольского престола и революционного народного движения. Патарии ликуют, симонистское духовенство в ужасе.

На самом пике происходящего внезапно уходит в мир иной папа Стефан II. Симонисты немедленно, с нарушением всех церковных канонов и при поддержке регентши Агнессы, избирают нового папу – Бенедикта X. И тут впервые во весь голос высказывается Гильдебранд. Он категорически отвергает несправедливо избранного папу и ненавязчиво, но веско напоминает Агнессе, что императорская корона для ее сына Генриха находится пока что в его руках. Вслед за этим наскоро собравшиеся кардиналы выбирают вместо низложенного Бенедикта нового первосвященника, которым становится ставленник реформаторов Николай II. Сопоставив имеющиеся возможности, Агнесса примиряется с выбором Гильдебранда и его сторонников. Бенедикт X уходит в небытие и вскоре умирает в полной нищете в приюте для бедных. Партия реформы одерживает первую по-настоящему крупную победу.

Николай II в глазах патариев становится символом борьбы с симонией и продажностью духовенства. Он пользуется небывалой поддержкой римского населения, на его стороне активно выступает многочисленное монашество. Опираясь на эти социальные группы, новый первосвященник, при активном содействии Гильдебранда, Гумберта, епископа луккского Ансельма и других радикалов, приступает к осуществлению программы реформ. В папском дворце в Латеране собирается крупное совещание реформаторского духовенства (синод), получившее позднее название Латеранского собора. Через синод новый глава апостольской церкви проводит три важнейших декрета: об избрании папы исключительно коллегией кардиналов, без какого-либо участия императора; о запрещении симонии как несправедливого обычая, позорящего святую церковь; об отрешении от должности всех священнослужителей, нарушающих целибат. Более того, Николай II не удовлетворился тем, что его декреты были санкционированы Латеранским собором, и потребовал от всех присутствовавших на нем клятвы в том, что они будут бороться с симонистами и женатыми священниками.

Постановления Латеранского собора были активно поддержаны патариями и их сторонниками: по городам Италии прокатилась целая волна народных выступлений против симонистов и «греховодников». Но эти же решения встретили яростное противодействие среди значительной части духовенства, привыкшего к светским наслаждениям и отстаивавшего, по его мнению, «истинные» основы христианства. На этот раз на стороне симонистов энергично выступила верховная светская власть в лице Агнессы и взрослеющего Генриха IV. В 1061 году недавно коронованный юный император отказался признать декреты Николая II и, созвав специальный синод в Базеле, объявил, что эти декреты не имеют силы, так как нарушают интересы императорской власти. Так началось противостояние папства и Империи, и никто не мог тогда предположить, что эта война будет с переменным успехом идти более шестидесяти лет и лишь в 1122 году закончится компромиссом в Вормсе. В ходе этого противостояния сторону папы примут нормандские рыцари, овладевшие к тому времени Южной Италией, и борьба выплеснется из стен соборов на поля сражений, собирая свою кровавую жатву.

В 1073 году Гильдебранд, долгие годы руководивший действиями апостольского престола из-за спины своих ставленников, решил, что, наконец, пришло его время. При огромной поддержке римского народа (кто мог знать тогда, что через десять с небольшим лет она обратится в столь же всенародную ненависть?), Гильдебранд избирается новым папой и принимает имя Григория VII. Имя это ко многому обязывает: ведь первым папой, носившим его, был Григорий Великий, доктор церкви, давно причисленный к лику святых и в известности соперничающий с крупнейшими христианскими деятелями всех времен. И бывший монах не посрамил своего нового имени – его понтификат¹⁰ остался в истории как один из наиболее ярких.

Гетсиманский сад в Иерусалиме. Гравюра Г. Доре

¹⁰ Понтификат – период правления конкретного папы на римском престоле.

Талантливый политик, самый яростный и последовательный проводник реформаторской линии в христианской церкви, он сразу взял быка за рога. Во всем послушный ему синод подтвердил обязательность для духовенства всех декретов, принятых Латеранским собором. Но Григорий VII пошел дальше. Он выдвинул программу небывалого усиления папской власти. Программа эта, именуемая еще «Папский диктат», определила всю политику апостольского престола на века вперед. Исключительная важность этого документа для понимания многих дальнейших событий, в том числе напрямую связанных с крестоносным движением, заставляет привести здесь этот документ полностью:

«Папа начертал:

1. Римская церковь создана единым Богом.
2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским.
3. Только он один может низлагать епископов и восстанавливать их.
4. Легат его на соборах занимает первое место пред всеми епископами, даже будучи в низших степенях (священства), и может приговаривать их к низложению.
5. Папа может низлагать отсутствующих.
6. С отлученными им не должно находиться в одном и том же доме.
7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты превращать в аббатства и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.
8. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства.
9. Одному папе все князья лобызают ноги.
10. Только его имя поминается в церквях.
11. Он один в мире именуется папой.
12. Он может низлагать императоров.
13. Он может, по мере надобности, перемещать епископов с кафедры на кафедру.
14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков.
15. Поставленный папою может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно не может он принимать высшей степени от какого-либо епископа.
16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим.
17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими¹¹ без его санкции.
18. Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.
19. Никто ему не судья.
20. Никто не смеет привести в исполнение приговор над взывающим к папскому престолу.
21. Важные дела любой церкви должны восходить до него.
22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться.
23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость.
24. По его изволению и разрешению подвластные могут быть пожалованы.
25. Без собора он может низлагать и восстанавливать епископов.
26. Не считается католиком тот, кто не согласен с Римской церковью.
27. Он может освобождать подданных от присяги плохим владыкам».

¹¹ Канонический – соответствующий католическому вероучению, входящий в церковный канон (закон).

«Диктат папы» вызвал мощное противодействие со стороны императорской власти. Теперь уже не шла речь о принятии или непринятии императорами реформистских декретов – авторитет папства вырос к этому времени настолько, что они быстро вводились явочным порядком. Но новый документ затронул самое святое для любой верховной власти – он поставил под сомнение ее владычество над обществом. Генрих IV никак не мог с этим смириться, и, до этого скрытая, с улыбочками и кинжалом за пазухой, борьба сразу вступила в фазу открытого неистовства и ярости. Историки обычно называют этот период временем борьбы за инвеституру, то есть за то, кто должен передавать полномочия епископам и прелатам – император или римский первосвященник. Но, несмотря на всю важность данного вопроса, за этой исступленной борьбой стояло нечто гораздо большее – высшая власть над всем христианским миром, и от итогов этого противостояния зависела история всей Европы.

Первую победу в этой войне одержал Григорий VII. Когда в 1076 году Генрих IV отверг притязания папы на инвеституру и на собранном им в Вормсе соборе (где присутствовало только подвластное императору германское духовенство) объявил о его низложении, бывший монах не остался в долгу. Григорий VII созвал в Риме собор французских и итальянских прелатов; опираясь на них, он отлучил короля от церкви, заявил о лишении его королевской власти над Италией и Германией и освободил всех его подданных от присяги на верность. Если император рассчитывал на поддержку немецких феодалов, то он жестоко просчитался. Будучи недовольными усилением имперской власти, и помня об угрозе возможного отлучения от церкви, германские магнаты отступились от своего сюзерена.

И гордый германский монарх, властелин половины католического мира, был сломлен. Генрих стал искать примирения с папой. В январе 1077 года он прибыл к замку маркграфини Тосканской Матильды – преданной сторонницы Григория VII (и, по слухам, его любовницы), где в это время находился папа. Лишь после трех дней неслыханного уничижения, когда император в рубище и босиком, под ледяным альпийским ветром, на снегу, терпеливо ждал папского решения, наместник Христа на земле сменил гнев на милость. Замок этот назывался Каносса, и с тех пор это слово стало нарицательным. Каносса стала чудовищным унижением светской верховной власти и величайшим триумфом в истории папства. Однако сохранить плоды этой огромной победы Григорий VII не сумел.

Получив прощение папы, Генрих IV довольно быстро навел порядок в Германии, сурово покарал отступников и по-королевски наградил тех, кто оставался ему верен. Когда император вновь почувствовал себя сильным, он перешел в контратаку. Собранный им съезд германских епископов и прелатов снова низложил Григория VII и взамен него избрал папу-немца Климента III. После этого Генрих с войском двинулся на Италию. Григория VII поддерживали сицилийские норманны, но их действия в Риме, с которым они обошлись, как с завоеванным городом, настолько озлобили римское население, что Григорий был вынужден бежать от гнева горожан в норманнские владения, где вскоре и умер. Лишь в 1093 году новый апостольский глава – француз Урбан II – отвоевал, наконец, Святой Город у лжепапы Климента III, который бежал в Германию. Именно с этого папы-француза и начинается история того, что через несколько столетий назовут «крестовыми походами в Святую Землю». Но об этом – особый разговор.

Глава 3

Исламский мир накануне крестовых походов

Пришло время окинуть взглядом другую часть обитаемого мира, а именно ту, которую принято называть миром ислама. В каком же состоянии находилась вторая сторона будущего великого противостояния двух цивилизаций? Здесь нам придется рассмотреть и некоторые принципы ислама, его исключительные особенности и непростую политическую и идеологическую ситуацию, сложившуюся в среде последователей Мухаммеда. Без понимания того, что представлял собой исламский мир во всем его многообразии, невозможно понять и историю крестовых походов. Конечно, как говаривал Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное», поэтому основное внимание будет сосредоточено на тех мусульманских территориях, которые вскоре станут ареной непосредственного столкновения христианского и исламского мира, а также на тех политических и идеологических аспектах, которые в большей мере оказали влияние на весь ход последующих событий.

К концу XI века исламский мир являл собой неординарную, но величественную картину, в которой сочетались упадок и подъем, достижение великих духовных высот и нравственное одичание, высокое внутреннее единство и чудовищный калейдоскоп из мелких и мельчайших политических и религиозных образований. Мир приверженцев пророка Мухаммеда к этому времени расширился до гигантских размеров. От Атлантического океана на западе до верховьев Ганга и китайской Джунгарии на востоке; от земель Черной Африки на юге до половецких степей на севере – в исламский мир входило не менее половины тогдашней Ойкумены. Он включил в свою орбиту сотни народов, тысячи городов и общин, десятки миллионов людей, объединенных в восприятии и понимании сущего простой и яркой формулой: «Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед – пророк Бога». Эта *шахада* («исповедание веры») и была тем, что обеспечивало (и по сей день обеспечивает) духовное единство всех мусульман. Но простота этой формулы, цементирующей мир почитателей Пророка, наложенная на географическое, экономическое и культурное разнообразие мусульманских территорий, дала совершенно поразительные результаты. Единое, по существу, мировоззренческое содержание сопровождалось редкостным многообразием и, порой, даже экстравагантностью форм. Но без постижения этого феномена «единства в многообразии» невозможно понять и правильно интерпретировать те события, которые вскоре развернулись в горах Малой Азии и Леванта¹², на равнинах Сирии и Палестины. А для этого придется вернуться еще на несколько сот лет назад, к самым истокам ислама.

Исламская доктрина, если рассматривать ее самые базовые принципы, завещанные гениальным Мухаммедом, удивительно универсальна. Она основывается на Коране – священной книге всех мусульман, книге, замечательной во всех отношениях. Коран, вопреки устоявшемуся мнению, по сути своей не религиозное произведение. Это, если можно так выразиться, образ жизни. Религия и политика, экономика и право, общественная и частная жизнь, мир и война – все это включает в себя и сводит в единую систему Коран – запись пророческих откровений, произнесенных Мухаммедом между 610 и 632 годами. Эта всеохватность существенно отличает Коран от другой священной книги – Библии, особенно от ее христианской части – Нового Завета.

Однако Коран, как любое конечное произведение (но главным образом, в силу своей неоднозначности, позволяющей толкователям по-разному интерпретировать его суры и

¹² Левантом назывался восточный берег Средиземного моря. Это имя сохранилось в названии современного Ливана.

аяты¹³), открывает широкое поле деятельности для других идеологических форм регламентации жизни. Именно отсюда и берет свое начало тот феномен разноликости исламского мира, который так поражает и по сей день.

Первый раскол среди мусульман произошел уже через несколько десятилетий после смерти пророка. Это было разделение мусульманской общины на суннитов и шиитов. Толчком к происшедшему стали политические события второй половины VII века, связанные с именем халифа (заместителя Пророка) Али – приемного сына и зятя пророка Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Али, как ближайший родственник пророка, пользовался большим авторитетом среди мусульман, но против него активно действовал чрезвычайно влиятельный мекканский род Омейядов, из которого происходил, в частности, предшественник Али – халиф Осман, составивший, кстати, первую редакцию Корана. После гибели Османа в 656 году между сторонниками Али и приверженцами Омейядов вспыхнула гражданская война, в которой партия Али потерпела поражение, а сам халиф был убит. В 661 году представитель рода Омейядов Муавия объявил себя новым халифом. Однако разбитые последователи Али отказались признать это, считая, что халифом может являться только потомок пророка, то есть Али, а после него – его сыновья от Фатимы. Этих-то сторонников Али и его рода и стали называть шиитами (от «шиа» – «партия, сторонники», но это же можно перевести и как «отщепенцы, раскольники»). Шииты объявили Али первым *имамом* (дословно – «стоящий впереди»), титулом, вообще, чрезвычайно емким, включающим в себя и святость, и непогрешимость, и верховную власть, да и многое другое.

К политическим разногласиям вскоре добавились идеологические. Дело в том, что, еще до появления первой редакции Корана при халифе Османе, среди значительной части мусульман большим уважением пользовалась Сунна (в переводе с арабского – «образец», «пример для подражания»), в то время представлявшая собой огромное количество устных рассказов о жизни пророка Мухаммеда, о его словах и делах. Впоследствии эти многочисленные *хадисы* составили необъятный письменный свод правил поведения, обязательных для каждого мусульманина. В традиционном исламе Коран и Сунна соотносятся примерно так же, как в христианстве Священное писание и Священное предание. Шииты – эти протестанты ислама – Сунну священной не признают, в отличие от мусульман-ортодоксов – суннитов.

Мусульманские монеты

¹³ Сурами называются части, на которые делится Коран (всего их – 114); аяты – смысловые отрывки, из которых состоят суры.

Раскол на шиитов и суннитов оказался в исламе далеко не последним. Но если среди суннитов разногласия никогда не заходили слишком далеко (споры велись, в основном, о том, как следует понимать тот или иной хадис и принимать ли отдельные хадисы как подлинные), то у шиитов идеологические расхождения были значительно более серьезными. В VIII веке от общей массы шиитов откололась крупная религиозно-политическая (а в исламе, как уже было сказано, эти два понятия порой невозможно отделить друг от друга) группа исмаилитов. Впоследствии различные ответвления и секты исмаилитов сыграли весьма значительную роль в истории крестовых походов, так что на этом религиозном движении стоит остановиться чуть подробнее.

Поводом для нового раскола снова стал спор о «престолонаследии». Часть шиитов отказалась признать законность решения шестого шиитского имама Джафара, сделавшего своим преемником четвертого сына Мусу, а не своего внука от старшего сына Исмаила. Проблема состояла в том, что Исмаил умер незадолго до смерти отца, и его дети, по обычным понятиям того времени, потеряли право на наследование. Однако Исмаил при жизни Джафара пользовался огромным авторитетом в шиитской общине, и отстранение его потомков от имамата вызвало недовольство значительной ее части. Группа наиболее непримиримых провозгласила седьмым имамом, в противовес Мусе, Мухаммеда, сына Исмаила. По имени Исмаила, так и не ставшего имамом, это мятежное товарищество получило наименование исмаилитов.

Вскоре Мухаммед вынужден был бежать от преследований Мусы и суннитского халифа. Его дальнейшая судьба скрыта туманом, но известно, что он оставил после себя нескольких сыновей. Следы этих сыновей затерялись в истории, но не в людской памяти. И через несколько столетий среди исмаилитов то тут, то там появлялись очередные потомки Исмаила, объявлявшие себя имамами. Но большая часть исмаилитов верила в то, что очередной имам скрыт, и останется скрытым до конца веков, когда восстанет во славе и низвергнет всех своих противников. А группировка карматов, одна из самых радикальных в исламе, основываясь на священности числа «семь», вообще считала Мухаммеда-бен-Исмаила последним имамом и ожидала теперь явления седьмого пророка¹⁴, которого называли «махди» («спаситель, мессия»). От карматов вера в Махди перешла и во многие другие религиозные движения, а позже, в эпоху крестовых походов, махдизм сыграл немалую роль в исламском джихаде против крестоносцев.

¹⁴ Пятым был пророк Иса, т. е. Иисус, шестым – Мухаммед.

Цитадель Халеба (Алеппо)

Исмаилиты, именуемые еще «семиричниками», в отличие от остальных шиитов – имамитов, признающих двенадцать имамов, начиная с Али – пользовались в исламском мире довольно большим влиянием. Хотя число активных исмаилитов было относительно невелико, у них всегда было очень много сторонников и сочувствующих, особенно среди простого народа. Этому способствовала и необычайная активность сотен исмаилитских проповедников, и привлекательность их лозунгов: всеобщее равенство перед Богом, возврат к общинному землепользованию и др. Под руководством исмаилитов в халифате неоднократно вспыхивали народные восстания, часть из которых заканчивалась успехом. Так, около двух веков, до самой эпохи крестовых походов, просуществовало карматское государство в Восточной Аравии. А в начале X века проповедник-исмаилит Убайдуллах с помощью народного восстания захватил власть в Египте и объявил себя новым имамом и халифом (духовным главой) правоверных в противовес суннитскому халифу Багдада из династии Аббасидов. С него начинается история исмаилитского государства Фатимидов (от имени дочери пророка – Фатимы) в Египте. В период своего расцвета, незадолго до крестовых походов, Фатимиды владели большей частью Северной Африки, Палестиной и значительной долей Сирии.

Непрерывные религиозные споры, народные восстания и борьба за престолонаследие не могли не отразиться и на политических процессах в некогда едином халифате. Аббасиды, захватившие в 750 году власть в столице халифата – Дамаске – почти сразу столкнулись с серьезными проблемами. От них отпала Испания, где у власти оказались уцелевшие после аббасидской резни потомки Омейядов, а вслед за ней и почти вся Северная Африка. Опасаясь за свою безопасность, халифы перенесли столицу из географически уязвимого Дамаска в построенный ими и чрезвычайно укрепленный Багдад. Но власть уже уплывала из их рук. Основанная только на репрессиях и деспотизме, она крайне ослабла уже к середине IX века.

А, начиная с X века, халифы были полностью отстранены от всякой светской власти своими военачальниками из династии Бундов и сохраняли только духовный авторитет. К концу этого века халифат окончательно рассыпался на отдельные государства.

Переходя к рассказу о ситуации, сложившейся в исламском мире в XI веке, то есть в эпоху, непосредственно предшествующую крестовым походам, стоит еще раз сказать, что и, казалось бы, непримиримые религиозные разногласия, и политическая раздробленность, по большому счету, не поколебали его глубинного внутреннего единства. Это шло еще от заветов Мухаммеда, от первой мусульманской общины – уммы, от признания всеми мусульманами святости Корана. Духовный раскол не мешал шиитам и суннитам быть добрыми соседями в исламских городах; персидские радикалы-исмаилиты скорее считали себя единым народом с суннитами-ортодоксами Средней Азии или Испании, чем с говорящими с ними на одном языке и живущими рядом персами-зороастрийцами¹⁵. Ислам был един и непримирим по отношению к язычеству. Несколько иным, более мягким, было отношение к «людям писания» – христианам и иудеям – которых в то время считали просто заблудшими, но не потерянными для истинной веры детьми. Это своеобразие мусульманского мировоззрения сыграло немалую роль как накануне, так и во время крестовых походов. Но об этом речь еще впереди.

Мечеть Омейядов в Дамаске

Начало XI века ознаменовалось появлением на исламском небосклоне яркой звезды – Махмуда Газневи. Этот неукротимый воитель, совершивший двенадцать победоносных походов в языческую Индию и завладевший несметными сокровищами индийских храмов, прославил себя не только как создатель великой империи, простиравшейся от Евфрата до Ганга. Не меньшую известность и уважение потомков он приобрел как покровитель наук и искусств: при своем дворе он собирал ученых и поэтов, заботился о восстановлении старинной персидской культуры, проводил поэтические конкурсы на звание «царя поэтов». При

¹⁵ Зороастризм – древняя персидская религия, в основе которой лежит почитание огня и вера в борьбу двух начал – доброго, олицетворяемого Ормуздом, и злого – персонифицированного в Аримане.

этом грозном и справедливом монархе гением Фирдоуси была создана величайшая эпическая поэма средневековья «Шах-наме». Однако, и военные, и культурные успехи, достигнутые при этом действительно великом султани, оказались весьма непрочными. Вскоре после смерти Махмуда Газневи созданная им империя пала под ударами кочевников, пришедших с севера – турок-сельджуков.

Название этого народа-завоевателя, изменившего всю политическую карту тогдашнего мусульманского мира, происходит от имени Сельджука – полулегендарного вождя одного из туркменских племен. История не сохранила описания его заслуг в деле объединения многочисленных кочевых орд, но известно, что первый тюркский султан Тогрул-бек был прямым потомком Сельджука – возможно, приходился ему сыном или внуком. Под руководством Тогрул-бека сельджуки и обрушились на империю Газневидов. В Данданеканской битве 1040 года войска Газневидской державы были разгромлены. Масуд, сын великого Махмуда, пал на поле боя, а Тогрул-бек был провозглашен султаном Ирана и Туркестана.

Но победоносные сельджукские армии отнюдь не удовлетворились ни этой великой победой, ни баснословными богатствами, захваченными ими у Газневидов. Тогрул-бек оказался не только хорошим полководцем, но и талантливым политиком и администратором. Ему удалось сплотить многочисленные разрозненные тюркские орды и создать из них крупное боеспособное войско, готовое к решению любых стратегических задач. Уже к середине XI века сельджуки завладели всем Ираном, и вышли к границам Византийской империи. Но, прежде чем начинать наступление на христианские твердыни, Тогрул-бек решил укрепить политический и моральный авторитет своей власти. В 1055 году сотысячная армия сельджуков, почти не встречая сопротивления, вступает в столицу суннитского халифата – Багдад. Весьма примечательно, что Тогрул-беку удалось изобразить этот завоевательный поход как освободительный. Он объявил, что его армии пришли на помощь халифу правоверных, чтобы освободить наместника пророка от узурпаторской династии Бундов, отстранивших верховного владыку мусульман от власти. Таким образом, официально завоевание Багдада выглядело как сугубо легитимная¹⁶ акция, направленная на восстановление справедливости, возвращение власти халифу и наказание неправедных чиновников и эмиров. Сам Тогрул-бек всячески подчеркивал свое уважение к повелителю правоверных и суннитской доктрине и выставлял напоказ свое подчиненное положение. Впрочем, это не могло обмануть никого, даже самого халифа Аль-Каима. Поуправившись для приличия, Аль-Каим вскоре выдал за Тогрул-Бека свою дочь и тем самым узаконил претензии новой династии на власть. Затем на пышной церемонии духовный владыка мусульман зачитал патент о назначении Тогрула своим заместителем по светской части, водрузил на его голову подряд две султанские короны – символ владычества над Востоком и Западом, и, немного погодя, удалился в свои покои, чтобы остаться там навсегда. Теперь сельджуки могли торжествовать – власть их вождя была освящена высшим духовным авторитетом исламского мира. Правда, Тогрул-бек недолго наслаждался своим триумфом: через несколько месяцев он скончался, не оставив потомства. Юная дочь халифа осталась бездетной вдовой, и мечта о соединении Сельджукской и Аббасидской династий рухнула.

После небольших неурядиц, которые на Востоке почти всегда сопровождают смену правителя, особенно не оставившего прямого наследника, тюркские военачальники, а вслед за ними и армия, провозгласили новым султаном Альп-Арслана, племянника Тогрул-бека. Халиф, снова пленник в своем дворце, конечно, тут же утвердил это решение. Альп-Арслан, что в переводе означает «Бесстрашный лев», оказался вполне достоин своего имени. Твердой рукой он пресек разброд и шатания, попутно отрубив несколько десятков особо горячих голов, и приступил к продолжению завоеваний. Главным его противником стала Византия.

¹⁶ Легитимная (от лат. *legitimus*) – законная, направленная на защиту законной власти, против узурпаторов.

В 1058 году Альп-Арслан завоевывает Армению, входившую тогда в состав Византийской империи, и ряд пограничных областей. Отсюда сельджуки разворачивают наступление на Малую Азию – последнюю азиатскую территорию, остающуюся в руках христиан. Конные орды сельджуков во главе с отдельными царевичами из Сельджукского дома проникают в Анатолию, выходят к берегам Черного моря, некоторые крупные отряды доходят до Никеи и побережья Эгейского моря. Лишь тогда в Византии, занятой в это время увлекательной деятельностью по устройству многочисленных дворцовых переворотов, начинают понимать, что империя стоит на краю пропасти. Под давлением военных кругов базилевсом (императором) становится Роман Диоген – неплохой полководец, уже составивший себе имя в европейских войнах. Роман с энтузиазмом берется за дело, в короткий срок проводит три победоносные кампании и отбрасывает сельджуков к старым границам. Но вот беда: маленькая Армения отказывается вновь подчиниться византийскому престолу и пытается отстоять свою государственную независимость, лавируя между двумя львами, которые грызутся в смертельном поединке. В 1071 году Роман Диоген собирает огромную армию и ведет ее на восток, наказывать непокорного вассала. Но не дремлет и Альп-Арслан: его легкоконное войско настигает византийцев в армянских горах. И здесь, у стен армянского города Манцикерта, 26 августа 1071 года состоялась одна из величайших битв средневековья – сражение из числа тех, которые меняют весь ход мировой истории. После тяжелого боя византийские войска были наголову разбиты, а сам Роман Диоген взят в плен. Судьба Малой Азии была фактически решена.

Вход в цитадель в Иерусалиме. Гравюра Г. Доре

Но плодами своей великой победы сельджуки воспользовались не сразу. Альп-Арслан отпустил Романа Диогена собирать миллионную контрибуцию, наложенную согласно условиям мира, а сам вместе с победоносным войском двинулся далеко на восток, завоевывать Мавераннахр и Согдиану¹⁷. К слову сказать, контрибуции он так и не дождался, ибо немедленно по прибытии в Константинополь Роман был изгнан с престола, ослеплен и вскоре убит. Для Византии, правда, это уже не могло ничего изменить: цвет ромейского войска лежал в долине у Манцикерта, и сил для нового сопротивления попросту не было. Однако вернемся к Альп-Арслану, тем более что поход на восток оказался для него роковым. При переправе через Окс (Амударью) гигантское войско сельджуков встретило неожиданный отпор маленького отряда хорезмийцев. Но сопротивление было быстро подавлено, а вождь хорезмийцев захвачен в плен и вскоре предстал перед султаном правоверных. Взбешенный упорством пленника, Альп-Арслан приговорил его к позорной казни. Однако, услышав страшный приговор, хорезмиец неожиданно выхватил меч у одного из телохранителей и бросился к трону. Альп-Арслан, уверенный в своем высочайшем военном мастерстве, остановил гото-

¹⁷ Мавераннахр и Согдиана – области в Средней Азии.

вых ринуться ему на помощь воинов, решив сам поразить врага. Но случай, случай... Сколь многое он решает в истории, как бы ни пытались историки доказать обратное! «Бесстрашный лев» неожиданно поскользнулся на ровном месте, и хорезмиец, не медля ни секунды, вонзил меч ему в грудь и тут же был изрублен на месте. Чего, видимо, и добивался изначально. Так, совершенно неожиданно, погиб один из крупнейших полководцев ислама.

Но смерть Альп-Арслана не разрушила, как это часто бывает, единства империи. Дело в том, что еще при жизни султана его сын Малик-Шах был признан будущим повелителем тюрков. Он сопровождал отца во всех походах, в том числе и в битве при Манцикерт, и пользовался любовью и доверием войска, поэтому попытка его дяди и двух братьев оспорить права на престол была быстро и жестко подавлена. Малик-Шах оказался вполне достоин славы своего отца. При нем империя сельджуков достигла максимальных размеров. В первую очередь новый султан завершил покорение Средней Азии, завещанное отцом, а затем его бесчисленные армии обрушились на двух главных противников на западе – Византию и шиитский (а значит, еретический с точки зрения правоверного суннита, коим являлся Малик-Шах) халифат Фатимидов. Малик разделил свое войско надвое, отдав одну часть под руководство принца Сулеймана из младшей ветви сельджукидов. Сулейман отправился в Малую Азию и, легко разгромив в нескольких боях разрозненные остатки византийской армии, занял почти всю ее территорию. Так в 1077 году началась история Румского султана – первого тюркского государства на территории нынешней Турции. Любопытно, что название «Румский» (Римский) явно отражает стремление сельджукских завоевателей унаследовать великую и памятную на Востоке славу Римской империи. До смерти Малик-Шаха румские султаны признавали верховенство этого владыки сельджукского мира, но позднее они провозгласили полную независимость. И как раз против Килидж-Арслана, румского султана, просил помощи у римского папы византийский император Алексей, что и явилось одной из причин первого крестового похода. И именно румские сельджуки стали первым врагом, с которым столкнулись крестоносцы.

В это же время армия самого Малик-Шаха наносила тяжелые удары войскам Фатимидов в Сирии и Палестине. В течение нескольких лет исмаилитские халифы потеряли здесь почти все территории, за исключением нескольких приморских городов; тогда же в руки сельджуков перешел и священный город Иерусалим. В 1084 году Малик-Шах захватывает и Антиохию – последний византийский анклав в этой части мира. Завоевание Антиохии было последним крупным военным деянием Малик-Шаха. В истории остались его слова, сказанные на могиле Альп-Арслана после взятия Антиохии: «Прими от меня, отец мой, добрую весть, ибо сын твой, которого ты оставил юношей, распространил границы твоего государства до крайних пределов мира». В свете тюркской географии того времени, считавшей Средиземное море западным краем света, он, в общем, не особенно погрешил против истины. Сельджукская империя Малик-Шаха стала крупнейшим государством мира, простиравшимся от Босфора до границ Китая и Индии. Но в этих ее гигантских размерах уже скрывались зародыши скорого и полного распада.

Еще при жизни Малик-Шаха Сельджукская держава, фактически, не представляла собой единого целого. Тот же Румский султанат лишь чисто номинально считался частью империи: сам титул султана, принятый малоазийскими правителями, говорит о том, что они явно считали себя равными верховному вождю сельджуков. Вскоре такой же султанат возник и на восточных границах империи – центробежные тенденции в гигантском, но рыхлом и аморфном государстве стремительно набирали силу. Пока был жив Малик-Шах, его авторитет старшего в роду еще позволял как-то сдерживать стихию разрушения. Но его смерть, последовавшая в 1092 году, стала настоящим детонатором взрыва, разорвавшего могучую державу сельджуков на десятки, если не на сотни, частей. Сын Малик-Шаха, Баркаярук, хотя и сохранил титул султана, но реально контролировал только Багдад и его окрестности.

Остальные территории были поделены между сыновьями, родными и двоюродными братьями, да и более дальними родственниками последнего сельджукского властелина. Зачастую власть этих родственников – беков и эмиров – тоже была лишь номинальной; реально ею обладали военные вожди не из рода Сельджука, которые назывались атабеками («атабек» по-тюркски – «отец принца», а правильное было бы перевести – «дядька, наставник»). Все эмиры и атабеки стремились к укреплению и расширению своей власти, и исламский мир быстро захлестнула волна междоусобных войн. На фоне рушащегося господства сельджуков значительно оживились и разгромленные было шииты. Незадолго до прихода крестоносцев Фатимидам удалось вновь захватить Иерусалим и вернуть еще несколько городов. А в 1090 открывается еще одна, чрезвычайно интересная страница истории. Исмаилитский проповедник Хасан ибн Саббах, незадолго до этого бежавший из Египта, с группой своих приверженцев захватывает в Западном Иране неприступную горную крепость Аламут (в переводе – «Гнездо орла»), и этим кладет начало существованию совершенно особого государства – имамата ассасинов. Учитывая важную роль, которую ассасины сыграли в эпоху крестовых походов, и саму необычность этого уникального исторического феномена, остановимся на нем несколько подробнее.

Минарет аль-Мальвия. Сирия

Слово «ассасины» представляет собой европейскую транскрипцию арабского выражения «хашшишины» – «потребители гашиша». Так называли последователей Хасана ибн Саббаха (более известного как «Горный Старец») мусульмане Передней Азии. Сами же сторонники нового имама предпочитали именовать себя феодами – смертниками во имя веры. Но название «ассасины» закрепилось за ними навеки: слишком велика была слава этих безжалостных наркоманов-убийц. И по сию пору во французском языке слово «ассасин» означает «убийца» (кстати, именно французы составляли большинство крестоносцев вплоть до конца эпохи крестовых походов).

Учение «Старца Горы» было, по существу, простым и от этого еще более страшным. Беспрекословное подчинение имаму его феодеу, вплоть до выполнения приказа покончить жизнь самоубийством, и безжалостное физическое устранение всех противников имама и

вообще любого человека, на которого он укажет – вот два столпа, на которых держалось это чудовищное государство. Абсолютное подчинение достигалось несколькими способами, главным из которых и являлось то самое употребление гашиша – самого сильнодействующего наркотика того времени. Он вводит человека в состояние эйфории – беспричинного счастья – и это его свойство «Горный Старец» прекрасно использовал в своих интересах. Он убедил своих приверженцев, что является властелином рая, и может дать им рай на земле. Есть, впрочем, сведения, что в некой уединенной горной долине для особо отличившихся он устраивал такой рай и наяву, с гуриями, роскошными яствами и всеми мыслимыми наслаждениями. Это еще более усиливало психологическое воздействие наркотика. Но «Старец Горы» легко мог устроить и ад. Не секрет, что любой наркотик вызывает сильное привыкание, и наркоман, который по какой-либо причине надолго его лишается, испытывает страшные, почти нечеловеческие мучения. Гашиш в этом смысле не исключение, и поэтому имам, жестко контролирующий распределение наркотика, стал для наркоманов-федаев действительно «владыкой ада и рая». Настоящий наркоман полностью теряет собственную волю и готов выполнить любое указание, пойти на любое преступление, лишь бы получить очередную порцию зелья. Такой способ «кнута и пряника» сделал последователей Хасана ибн Саббаха безвольными исполнителями его приказов.

Беспощадный террор, который учиняли ассасины по велению своего господина, стал второй основой его внушающей ужас власти. После 1090 года «Горный Старец» основал в самых разных местах Передней Азии неприступные твердыни, где засели его верные последователи. С этих пор ни один султан или эмир, воин или купец не мог чувствовать себя в безопасности. Внезапная смерть могла таиться и в старом слуге, ставшем рабом наркотика, и в закадычном друге, продавшем свои тело и душу грозному имаму. Все это только усиливало страх перед ассасинами – невидимыми убийцами. Этот страх быстро превратился в серьезную политическую силу, еще более усугубляющую хаос, воцарившийся на Ближнем Востоке.

Вот такой бурлящий котел страстей, междоусобных войн и террора и представлял из себя исламский мир, когда на его западных границах неожиданно появились крестоносцы.

Глава 4

Клермонский призыв: дух и материя

И тут мы вплотную подошли к одному из тех редких событий в истории, которые, не будучи слишком значительными сами по себе, играют роль того первого камня, с коего начинается лавина. Событие это случилось 26 ноября 1095 года на равнине близ небольшого городка Клермон, во французской провинции Овернь, и ему суждено было на века определить ход европейской истории – более того, обусловить один из главных векторов развития истории мировой. Именно здесь римский папа Урбан II произнес свою знаменитую речь о походе для освобождения Гроба Господня, и имя ничем не примечательного городка навеки связалось с крестоносным движением, олицетворяя его начало: Клермонский призыв.

Но что же, собственно, произошло тем холодным ноябрьским днем в Оверни? Какие слова Урбана II стали искрой, разжегшей пламя крестовых походов? Почему, наконец, разгорелось это неистовое пламя? История знает сотни и тысячи призывов, пропавших втуне или не принесших ожидаемого результата, а обратные примеры – успеха сверх ожиданий – можно пересчитать по пальцам. Клермонский призыв относится к числу последних, и хотя бы поэтому достоин самого подробного рассказа.

Уже с самого утра 26 ноября на равнине у Клермона воцарилось небывалое оживление. Давно прошел слух, что после закрытия созванного в этом городе церковного собора римский папа произнесет перед народом очень важную речь. Собор открылся 18 ноября, его заседания продолжались целую неделю, и всю эту неделю к Клермону стекались толпы людей самого разного звания. Всех их вела надежда воочию увидеть и услышать главу апостольского престола и наместника Христа на Земле. Такое событие, особенно для французской глубинки того времени, было фактом совершенно исключительным – уж очень редко папы покидали Рим, а тем более пределы Италии. Всех особенно привлекало то, что и первосвященник апостольской церкви был свой, из французов, а значит, и говорить он будет для всех собравшихся. И вот к помосту, сооруженному для папы римского еще накануне славного дня, собирается огромная масса людей: среди них – сотни рыцарей и владетельных сеньоров, тысячи монахов и священников, съехавшихся из монастырей и приходов едва ли не всей Франции, десятки тысяч простолюдинов из окрестных селений. Все они ждут появления преемника св. Петра, как дети ждут чудес в новогоднюю ночь.

И Урбан II вполне оправдал надежды верующих. Внезапно зазвонили все церковные колокола Клермона, и под их звон из ворот города выступила чрезвычайно торжественная процессия высших сановников католической апостольской церкви. Впереди всех, в высокой тиаре¹⁸ и белом облачении – сам глава римского престола. За ним – четырнадцать архиепископов в парадных одеждах, далее на небольшом отдалении двести двадцать пять епископов и сто настоятелей крупнейших христианских монастырей. Гомон толпы превращается в рев, тысячи людей падают на колени и молят о благословении. Но вот папа всходит на помост и воздевает руку, прося тишины. Людское море медленно стихает, и Урбан II начинает свою эпохальную речь.

О чем и как именно говорил этот бывший клюнийский монах, выходец из хорошего французского дворянского рода, нам доподлинно неизвестно. Сохранилось несколько списков папской речи, но даже очевидцы передавали потом его слова по-разному. Это, впрочем, вполне понятно: ведь речь папы, уже весьма пожилого человека, вряд ли была слышна всем,

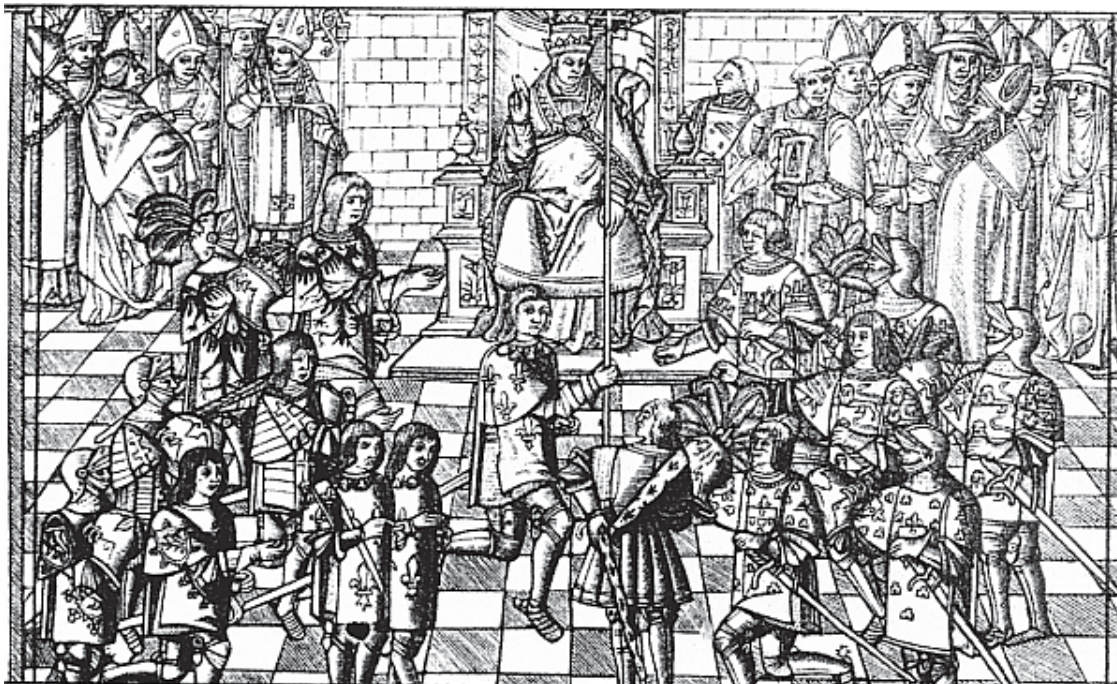
¹⁸ Тиара – головной убор римского первосвященника, сохранившийся до нашего времени.

и его слова пересказывались стоящими в передних рядах во время многочисленных пауз. Это, однако, и не ослабило впечатления от речи, и не изменило ее основной смысл.

Папа говорил о страданиях христиан в Святой Земле, об осквернении язычниками-сельджуками христианских святынь (сельджуки, конечно, были мусульманами, а вовсе не язычниками, и хотя бы поэтому не могли осквернить могилу Исы – одного из своих великих пророков, но чего не скажешь ради красного словца и достижения главной цели), о притеснениях, чинимых благочестивым пилигримам¹⁹. Он расписывал величайшие опасности, которым подвергались великий град Константина и восточные братья во Христе. Да, Урбан II умел находить слова... Тысячи людей плакали, тысячи посылали проклятия «нечестивым агарянам». Желаемый эффект достигнут, и папа переходит к главному. «Обратитесь на Восток, – говорит он, – освободите Гроб Господень. Возьмите в руки меч и копье и вступите в бой за правую веру. И пусть знаком вашего святого паломничества станет крест из красной материи, нашитый на одежду. Верьте в Бога и Святой Крест, и победа будет за вами».

«Так хочет Бог!» – ревет в экстазе толпа, и Урбан подхватывает: «Да, так хочет Бог, и пусть эти достопамятные слова, внушенные Святым Духом, будут впредь боевым кличем, поддерживающим ваше благочестивое рвение и мужество». «Так хочет Бог!» – снова истошно вопит доведенное до фанатического экстаза человеческое стадо. Собравшиеся тут же нашивают на одежду красные кресты, услужливо раздаваемые многочисленными прелатами. Самые рьяные выжигают крест прямо на теле, а папа тем временем завершает свою речь. «Земля, которую вы населяете, сжата повсюду морем и горами, и поэтому сделалась тесной при вашей многочисленности. Богатствами же она не обильна и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, аки псы алчущие, ведете войны, наносите смертельные раны. Пусть же теперь прекратится ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Идите ко Гробу Святому, а святая церковь не оставит своим попечением ваших близких. Освободите Святую Землю из рук язычников и подчините ее себе. Земля та течет молоком и медом; те, кто здесь сиры и убоги, там будут счастливы и богаты. Иерусалим – плодороднейший пуп земли, второй рай. Он просит, ждет освобождения и непрестанно молит вас о помощи...»

¹⁹ Пилигримами называли паломников в Святую Землю. О паломничестве см. ниже.

Клермонский призыв Урбана II

Речь Урбана II, выстроенная по всем канонам высокого ораторского искусства (и в стиле всех прошлых и будущих вождей и фюреров), имела грандиозный успех. Тут же на месте приняли крест (так называлось клятвенное обещание отправиться в поход на Иерусалим) тысячи человек, в том числе и послы графа Раймунда Тулузского – крупнейшего феодального властителя того времени. Что немаловажно, они дали обещание и за своего господина, и Раймунд действительно впоследствии станет одним из главных вождей Первого крестового похода. А по мере того, как слова папы расходились по Европе в пересказах фанатичных монахов-проповедников, крестовое движение все больше набирало силу.

Здесь стоит отвлечься от непосредственных событий и задаться вопросом: а как, собственно, возникла сама идея крестового похода для освобождения Иерусалима? Доселе в практике мировой истории не было подобных феноменов. Из всего богатого прошлого человечества лишь два случая в какой-то степени сравнимы с замыслом Урбана II – если не по целям своим, то по способам: это Египетский поход Наполеона Бонапарта и беспримерный марш русских казаков, посланных императором Павлом I отвоевывать у англичан Индию. До Урбана II примеров такого рода не было, и, безусловно, надо было обладать и могучим умом, и организаторским талантом, чтобы задумать, а главное – осуществить замысел такого масштаба. И все же идея, конечно, не возникла из ничего, и к 1095 году вполне сложились те обстоятельства, которые могли подтолкнуть мысль и действия главы апостольского престола.

Вообще-то, впервые идея крестового похода против неверных была высказана знаменитым предшественником Урбана II, Григорием VII, еще за двадцать с лишним лет до клермонских событий. Однако, по своим главным целям, да и по внутреннему содержанию, она была несколько иной. Дело в том, что внешнеполитическая ситуация в то время была совершенно другая. После сокрушительного поражения византийской армии при Манцикерте новый константинопольский базилевс Мануил VII, находящийся в состоянии панического страха, был готов пойти на все ради спасения страны и своей власти. Он разослал послов во многие страны Европы, униженно моля оказать помощь гибнущей Византии. Прибыло такое посольство и в Рим, к преемнику св. Петра. Мануил заранее соглашался на любые усло-

вия: подчинение восточной церкви римскому папе, даже признание власти папы над самим императором, в том числе признание его права возлагать корону и утверждать нового базилеуса. Такие роскошные предложения не могли не вызвать отклика у Григория VII, известного своим непомерным властолюбием. Папа обласкал послов и стал собирать «апостольское воинство» для борьбы с неверными и защиты Константинополя. В своих письмах 1074 года этот наместник Христа на земле хвастался, что по обе стороны Альп стоит 50 тысяч человек «святого воинства», готового под его личным руководством обрушиться на мусульман. Цифра эта, вызывает, правда, очень серьезные сомнения, однако совершенно очевидно, что были предприняты важные шаги по организации похода. Поход, в итоге, не состоялся: вскоре Григорий VII ввязался в борьбу не на жизнь, а на смерть с германским императором Генрихом IV, и от великих планов пришлось отказаться.

Паломники в Святую Землю. Миниатюра XV века

Тем не менее, сама идея священной войны против исламского мира продолжала витать в воздухе. Тяжелые поражения, понесенные христианами на Востоке (падение Антиохии в 1084 году) и на Западе (разгром в Испании при Залакке в 1087 году), только укрепляли христиан в мысли, что необходим серьезный ответный удар. Но занятые междоусобицами светские владыки были неспособны оказать согласованный отпор наступлению ислама. Единственной силой, объединяющей Европу, была в это время католическая церковь во главе с папой, и реально лишь она одна могла собрать общеевропейское воинство. Но здесь возникал один очень важный идеологический нюанс: церковь, согласно Христовым заповедям — организация исключительно мирная, священнослужитель не мог брать в руки оружия, кроме как для защиты собственной жизни. Призыв к военному наступлению на мусульман был для

церкви того времени идеологическим нонсенсом – вещью совершенно невозможной. Запрет необходимо было обойти, но как это сделать?

При таких обстоятельствах Урбан II весной 1095 года собирает в Пьяченце церковный собор, на который съехалось около четырехсот высших иерархов католической церкви. Конечно, собор не был посвящен только этому вопросу; здесь решались и многие старые задачи – борьба с симонией, обмирщением церкви, за укрепление папской власти. По советам говоря, мы даже не знаем, обсуждался ли в Пьяченце вопрос об организации крестоносного воинства, так как заседания собора были сугубо секретными, а в изданных после него декретах ни о чем подобном не говорилось. Однако, кое-какие обстоятельства позволяют утверждать, что эта тема не только была на повестке дня, но и являлась одной из самых главных.

Об этом свидетельствует, в первую очередь, прием на соборе в Пьяченце послов византийского императора Алексея Комнина. Послы вновь привезли просьбу о помощи восточному христианству со стороны Запада. Надо сказать, что для Византии ситуация к этому времени значительно улучшилась. Сельджукская держава после смерти Малик-Шаха распадалась на глазах. Алексей уже нанес несколько поражений отдельным тюркским отрядам и закрепился на азиатском берегу Мраморного моря. Но этот умный, талантливый политик хорошо понимал, что сил одной Византии, ослабленной и предыдущими поражениями, и непрерывной борьбой с норманнами, засевшими в Южной Италии, никак не хватит на настоящую войну с сельджуками. Нужна была помощь – любая. В то же время Комнин был достаточно силен, чтобы не идти на унижительные уступки. Ему требовалась помощь для контрнаступления на турок; для сохранения же статус-кво императору вполне хватало собственных сил и средств. Поэтому речь шла не о подчинении православия Риму, но разве лишь о восстановлении единства двух церквей, и уж никак не мог быть поднят вопрос о том, чтобы константинопольский базилиевс подчинился римскому папе.

Видение в небе. Гравюра Г. Доре

Далее мы уже вступаем в область догадок. Какие предложения привезли собору и папе послы Алексея Комнина? И здесь, зная изощренный в интригах ум византийца, который лишь благодаря недюжинным способностям пробил себе путь к престолу, позволим себе предположить, что именно Алексей подсказал Урбану II мысль о походе на Иерусалим. Действительно, византийский император убивал этим сразу двух зайцев. Во-первых, идея защиты Гроба Господня от поругания иноверцами позволяла обойти пресловутый запрет и получить, наконец, военную помощь. В самом деле, ведь никакой закон не запрещает поднимать оружие в собственную защиту. Что же тогда говорить о защите самого Христа, святых паломников, великих святынь, которые для каждого христианина дороже собственной жизни? Вот такая казуистика вполне в византийском (впрочем, и в церковном) стиле. Во-вторых, с учетом географического положения Иерусалима, Алексей мог успешно решить

сразу две задачи: одну, реально существующую – задачу борьбы с сельджуками, и вторую, гипотетически весьма вероятную. Ведь в случае победы католического воинства над турками анархическая рыцарская вольница стала бы представлять серьезную угрозу и для самой Византийской империи. Так не лучше ли, после ожидаемой победы над главным врагом византийцев, дать этой недисциплинированной, но весьма опасной массе вооруженных людей очень заманчивую, но и очень далекую цель? Если в этом походе крестоносцы погибнут в пустынях Сирии или обломают себе зубы о твердыни Ливана и Палестины, то вторая проблема снимется сама собой. Если же Христово воинство, паче чаяния, победит, то для Византии это тоже будет неплохо, ибо победителям-крестоносцам будет уже не до нее – удержать бы завоеванное, находясь в сплошном мусульманском окружении. Да и исламские силы в этом случае вынуждены будут разделиться, а значит – и ослабить давление на империю ромеев.

Сделал ли византийский базилевс такое предложение собору и папе, мы не знаем. Вполне возможно, что идея принадлежала и самому Урбану II или одному из его сподвижников, тем более, что и католическая церковь в случае ее реализации получала большие выгоды. Так, обходя с помощью словесной эквилибристики существующий запрет на войну, церковь и, в первую очередь, папство в ее лице, фактически приобретала собственную вооруженную силу. Конечно, сфера ее применения была достаточно ограниченной – борьба с неверными и защита паломников, но сам факт обладания такой мощью резко усиливал позиции того же папства при проведении независимой политики. В дальнейшем, как мы увидим, римская курия сполна использовала открывающиеся возможности, размахивая «крестоносной дубиной» направо и налево. Крестовые походы против еретиков – альбигойцев²⁰ или гуситов²¹, против язычников-литовцев и схизматиков-русских, наконец, против самого германского императора(!) и других непокорных светских владык – таков далеко не полный диапазон действий «христовых воинов» в более поздние времена.

В случае успеха Первого крестового похода на небывалую высоту поднимался авторитет главы апостольского престола как организатора сего великого деяния. Возрастала духовная власть римского папы, вера в его непогрешимость. Ну, а при неудаче все можно было списать на Господню волю, нерадивость военачальников или недостаток веры у самих крестоносцев. Так что при любом варианте событий папство не оказалось бы в проигрыше. Помимо этого, успех похода мог принести церкви и новые земельные владения, новые богатства, новых прихожан, а значит, и новые налоги. Отметим попутно, что все захваченное имущество тоже облагалось церковным налогом – десятиной – и церковь таким образом получала также и десятую часть награбленного.

Наконец, не последнюю роль играло желание церкви прекратить бесконечные междоусобные войны и рыцарские грабежи. Орды неимущих рыцарей, которые кочевали от хозяина к хозяину, порой сбиваясь в стаи, грабили все и всех и уже наносили немалый урон имуществу монастырей и приходов. Многие бароны с завистью и вожделением смотрели на накопленные церковью богатства, и духовный авторитет далеко не всегда спасал те же монастыри от погромов и разграбления. Крестовый поход позволял направить эту почти стихийную разрушительную силу в иное русло, весьма полезное для церкви.

Здесь следует сделать одно очень важное добавление. Дело в том, что в те времена, в XI веке, такого понятия, как «крестовый поход», не существовало. Война за Гроб Господень в ходе всей крестоносной эпопеи обозначалась другими терминами – «странствование», «заморское паломничество», «путь в Святую Землю», «путь по стезе Господней» и т.

²⁰ Альбигойцы – крупная еретическая секта в Южной Франции в XII – начале XIII вв. Название свое получила от города Альби – «столицы» сектантского движения.

²¹ Гуситы – сторонники великого чешского религиозного реформатора Яна Гуса, сожженного в 1415 г. по решению Констанцкого собора.

п. Популярная ныне формула «крестовый поход» родилась много позже – во второй половине XVII века. В научный оборот ее ввел придворный историк французского короля Людовика XIV – иезуит Луи Мэмбур, в 1673 году опубликовавший свой труд «История крестовых походов». Церковь же того времени, в силу уже названных причин, предпочитала называть эту сугубо военную операцию «паломничеством».

Ну а теперь, после необходимого отступления, вновь вернемся во Францию 1095 года. К каким последствиям привел клермонский призыв Урбана II; имела ли действительный успех проповедь крестового похода; как отреагировали на нее разные слои общества – крупные феодалы, мелкое рыцарство и простой народ?

Госпиталь для паломников. Гравюра XV века

После клермонского собора Урбан II, несмотря на свой преклонный возраст и далеко не богатырское здоровье, развил чрезвычайно бурную деятельность. Сам он двинулся по Франции, останавливаясь по дороге в городах и феодальных замках, и здесь, при большом стечении народа, вновь и вновь повторял свой призыв принять крест и идти освобождать Святую Землю. По всем городам и весям, а главным образом, по замкам наиболее крупных феодалов, он разослал своих полномочных легатов, поставив им задачу убедить светских владык примкнуть к крестовому походу. Взамен папа пообещал всем ряд духовных и материальных выгод: освобождение от мук чистилища²² (это – от лица Господа, но, впрочем, скромность не была главной отличительной чертой Урбана II), отпущение всех грехов, взятие под церковную охрану семей крестоносцев и их владений. Кроме того, своей властью папа объявлял «Божий мир» – запрет на междоусобицы – в местностях, владельцы которых уходили в «святое паломничество», на весь период крестового похода. Посулы были серьезны, доверие к церкви велико, и во многих местах папские легаты встретили понимание и получили согласие феодалов.

Тем временем по дорогам Франции, Италии, Германии и даже Англии расползалась целая армия проповедников. Эти фанатично настроенные люди, в основном, монахи-кляунийцы, превращали в подмостки для крестовых проповедей любое место, где их могло услышать хотя бы несколько человек. Городская площадь и деревня в десяток дворов, лесная дубрава – убежище беглых крестьян и лихого люда, и разбойничий стан безземельных рыцарей – для них годилось все. Они не боялись разбойников, да и что можно было взять с этих бескомпромиссных фанатиков? Ну, а если убьют – что ж, возможность стать мучеником за веру людьми такого рода рассматривалась скорее как подарок судьбы. И их бесхитростные, но искренние проповеди находили отклик в душах слушателей. Тысячи и тысячи рыцарей, крестьян, разбойников с большой дороги со слезами на глазах принимали крест и клялись не сходить со «стеzi Господней», пока не будет освобожден Иерусалим. Мелкопоместные рыцари массами потянулись ко дворам светских владык, давших согласие на участие в походе. Крестьяне бросали свои поля и дома и сбивались в гигантские ватаги, к которым присоединялись и безземельные рыцари, и деклассированный, разбойничий, элемент. К весне 1096 года вся Европа бурлила, как гигантский котел.

Таким образом, успех пропаганды великого крестового похода был несомненным. Почему же идея освобождения Гроба Господня вызвала столь колоссальный отклик среди столь разных социальных слоев? Что повело за тридевять земель от родного дома тысячи людей – тех людей, для которых до этого поездка в ближайший город была главным событием в жизни? Тому есть много причин, и разобраться в них не так просто: ведь в идее крестового похода сошлись духовное и материальное, дикие предрассудки толпы и сухой прагматизм таких представителей элиты, как Боэмунд Тарентский. Едва ли можно разделить здесь дух и материю – стремление к духовному подвигу и стремление к обогащению сплелись практически воедино. Все-таки попробуем разобраться в этом, и в первую очередь обратимся к духовному началу, которое все же играло главную роль в этом грандиозном движении.

Чтобы по-настоящему понять атмосферу тех дней, нужно представить себя на месте типичного человека той эпохи. А все мировоззрение тогдашних европейцев, от последнего серва²³ и нищего до крупнейшего феодала и даже короля, было насквозь пронизано необычной для современного наблюдателя и непоказной религиозностью. Духовная власть католической церкви была поистине огромной. Страх перед Господним гневом, стремление

²² Чистилище – в католической религии – место, где души умерших, претерпевая страдания, ожидают Божьего решения о том, куда им далее следовать: в рай или в ад.

²³ Сервы – низшая категория крепостных крестьян, отдаленные потомки рабов времен античности и Темных веков.

замолить грехи и избежать наказания на том свете стали в XI веке одним из сильнейших стимулов всей человеческой деятельности. Церковь всячески подогревала эти настроения: ведь, помимо укрепления ее собственного владычества над умами верующих, они приносили ей и весьма серьезные материальные выгоды. Искренне верующий крестьянин охотнее платил десятину, светские владыки в припадке религиозности дарили церкви земли и основывали монастыри. Однако проповеди священнослужителей имели успех у прихожан еще и потому, что и для самих священников, а тем более монахов, меркантильный интерес стоял все же на втором плане.

Церковники сами искренне верили в то, что говорили, и это усиливало эмоциональный отклик у их паствы.

Одним из первостепенных в ту эпоху было понятие греха и неотвратимости наказания за него. Само это понятие в то время трактовалось чрезвычайно широко, и почти все проявления бытия – как отдельного человека, так и общества в целом – не были свободны от греховности. Еще в эпоху раннего средневековья церковь составила гигантский кодекс всех возможных грехов, от сквернословия до геноцида. Он включал в себя крайне странные, порой даже невообразимые сегодня проступки. Кодекс этот был предназначен, если так можно выразиться, «для служебного пользования», ибо церковь, определив «преступление» против божественных установлений (но от силы лишь пятая часть статей кодекса действительно соответствовала такому определению, по крайней мере, в современном понимании), позволила себе разработать и весьма разностороннюю систему наказаний. За грехом следует кара, но кара Господня слишком страшила невежественную массу тогдашних мирян. Бог может отправить в ад или в чистилище вместо ожидаемого рая (представление о чистилище как промежуточном месте между раем и адом, кстати, свойственно только католичеству, в других религиозных системах такое понятие отсутствует). Церковь предлагала человеку альтернативу. Чтобы избежать Божьего суда, грехи можно было замолить заранее, еще при жизни. Любой грех искупался покаянием – сроком от семи дней до семидесяти лет, в зависимости от степени греховности проступка. Однако буквальное исполнение законов о покаянии было невозможно: даже вполне умеренный грешник за свою жизнь мог спокойно набрать двести-триста лет покаяния. Но церковь легко смогла найти способы преодолеть эту досадную неувязку.

Главным средством, причем исключительно выгодным для самой церкви, стала замена покаяния денежными штрафами. Год покаяния оценивался в двадцать шесть золотых монет – сумму, исключительно высокую по тем временам. Конечно, такие деньги могли выплатить только богатые люди, но даже для крупных феодалов это часто было крайне затруднительно: долг в триста лет мог разорить далеко не бедного барона, а то и графа. Что ж, церковь с удовольствием брала взамен денег земли, деревни с крестьянами, а зачастую и оформляла закладную на будущие поколения, и за грехи отцов расплачивались дети или даже внуки и правнуки.

Для деревенской и городской бедноты и монахов, лишенных собственного имущества, покаяние могло быть заменено бичеванием. Здесь год покаяния, путем довольно фантастических вычислений, был приравнен к трем тысячам ударов плетью. Процедура довольно-таки болезненная, а при достаточном усердии бьющего – иногда и смертельная. Впрочем, и на этом попрании находились свои герои. Широкую известность приобрел случай с неким монахом Домиником, который за шесть дней непрерывного бичевания ухитрился скостить себе сто лет покаяния, то есть получил триста тысяч ударов плетью! Не зря потом он заслужил в народе почетное прозвище Доминик Броненосец.

И, наконец, третьим способом избежать слишком жесткого применения законов о покаянии (а в свете понимания нашей проблемы – невероятного успеха пропаганды крестового похода – и самым важным) было паломничество к святым местам. Обычно таковыми счи-

тались могилы святых или почитаемых отшельников, а также храмы, в которых хранились священные реликвии – например, гвозди, которыми был прибит к кресту Спаситель, или кусочки самого животворящего креста. Тут тоже была своя градация: далекое и трудное паломничество оценивалось церковью значительно выше, нежели экскурсия к могиле местного святого. Но и среди этих маршрутов благочестивых странствований особой святостью выделялись два: в Сант-Яго-де-Компостела – предполагаемое место последнего упокоения св. Иакова – апостола Иисуса Христа, и особенно в Святую Землю, в Иерусалим – город, где принял страдания и смерть сам Спаситель. В те времена подобного рода путешествия были исключительно трудными, сопряженными с огромной опасностью для жизни, и приравнивались церковью к духовному подвигу, снимающему разом все прошлые грехи. Именно таким святым паломничеством, духовным подвигом и объявил Урбан II крестовый поход в Палестину. Надо ли удивляться тому, что в невежественной и крайне религиозной массе (а это относилось почти ко всем слоям общества) возможность в одночасье получить отпущение грехов вызвала самый восторженный прием.

Надо сказать, что чрезвычайно развитый в Европе культ святых мест и сам по себе сыграл в высшей степени значительную роль в успехе проповеди крестовых походов. В религиозной жизни XI века святые выполняли важнейшую функцию: они выступали заступниками за людей перед небесным Судом, позволяя церкви предоставлять грешникам возможность спасения. На земле их физические останки и принадлежавшие им предметы, как и другие священные реликвии, излучали *virtus* – благотворную духовную энергию, которая благотворительно действовала на верующих. Люди искренне верили, что именно в таких местах на них нисходит Святой Дух и свершаются всякие чудеса. Но самые святые места на земле – Иерусалим, храм Гроба Господня, Голгофа – находились в руках «нечестивцев-осквернителей». Поэтому не зря в своей речи папа Урбан так много говорил об ужасах, творимых турками. Слова его, независимо от их правдивости, послужили мощным стимулом, возбудившим в его пастве желание освободить главные христианские святыни.

И все же, несмотря на всю важность духовных стимулов, сводить только к ним причины необычайного воодушевления, охватившего сотни тысяч, если не миллионы, людей, было бы абсолютно ошибочным. Да, для невежественной крестьянской массы, весной 1096 года ринувшейся в неизвестность, они были самыми главными, но даже и для нее далеко не единственными. Для рыцарства и вообще для феодального класса материальные стимулы важны были не меньше, чем духовные. Так что же, помимо духовных устремлений, привлекало и простой народ, и власть имущих в идее крестового похода?

Положение простонародья (99% его составляло крестьянство) было в XI веке ужасающим. Самым страшным явлением был голод, тиски которого почти постоянно сжимали деревню. Даже в обычные годы крестьянские семьи жили впроголодь, едва дотягивая до нового урожая. Но если уж год выдавался неурожайным... А таких лет в XI веке было, ни много ни мало, – двадцать шесть.. Особенно тяжелым выдался конец столетия: «семь тощих лет» – так был назван период с 1087 по 1094 год. Люди умирали тысячами, ели коренья и даже человеческое мясо. Страшную картину голода того времени рисует бургундский монах Глабер:

Принятие креста

«...Когда был съеден домашний скот и птица, люди дошли до того, что вырывали друг у друга падаль и прочие отвратительные отбросы. Некоторые, спасаясь от голодной смерти, ели лесные коренья и водоросли – все напрасно!.. Страшно теперь и рассказать, до какого падения дошел тогда род человеческий. Увы! О ужас! Случилась вещь, ранее почти вовсе неслыханная: обезумевшие от лишений люди были доведены до того, что решились есть человеческое мясо... На путников нападали те, кто посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали... Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода...».

Картина, достойная Апокалипсиса. Неудивительно, что на голодающее, задавленное феодальным гнетом крестьянство слова Урбана II об истекающей молоком и медом земле Палестины произвели самое глубокое впечатление. Земля, где никто не будет голодать, где не будет хозяев, заставляющих работать на барщине по шесть дней в неделю – таким представлялся Восток простонародью. «Хлеб, земля и воля» – вот главные мечты крестьян средневековой Европы.

Огромный ущерб крестьянству приносили бесконечные междоусобные войны и охотничьи забавы хозяев. Рыцарские дружины соседа-врага сжигали целые деревни, лишая крестьянина последнего имущества; охотничьи ватаги, в азарте погони за зверем, вытапывали крестьянские посевы – единственное средство к существованию. Куда было податься бедному крестьянину? Кто мог – уходил в монастырь или становился отшельником; многие бежали в леса и промышляли там охотой, а то и разбоем. Впрочем, по феодальным законам, охота на господскую дичь (а она вся считалась господской) была ничем не лучше разбоя и наказывалась смертной казнью. Таким образом, беглецы автоматически становились преступниками перед законом и Богом. И среди этих невольных грешников обещание Урбана II простить грехи принявшим крест имело особенный успех.

Совсем иные причины повели в крестовый поход рыцарство. Выше уже говорилось о серьезных переменах, которые начались в Европе в XI веке. Рост городов и связанное с ним развитие товарно-денежных отношений сильно изменили жизнь феодального класса. Патриархальные нравы, когда феодал довольствовался тем, что могло произвести его поместье, и ходил в домотканой дерюге, ибо ничего лучшего нищая деревня предложить ему не могла, остались в прошлом. На первое место стало выходить стремление к богатой жизни: всем хотелось носить удобную и красивую одежду из дорогих тканей, пить изысканные вина, есть из золотой и серебряной посуды. Но все это требовало денег, и немалых, причем все больше и больше, а выжать что-то еще из задавленных, умирающих от голода крестьян стало просто невозможно. Междоусобицы, захват новых земель были обоюдоострым оружием: они могли и обогатить феодала, и сбросить его в пучину нищеты. В этих условиях папский призыв идти в Палестину, где есть возможность завоевать богатство и новые земли, да к тому же еще и покрыть себя славой, не мог не вызвать самого горячего отклика у довольно значительной части феодального класса.

Не следует забывать и о том, что в ту эпоху главным и почти единственным занятием, достойным рыцаря, была война. И вот вместо привычных, но все же отягчающих душу несомненным грехом междоусобиц, разбоев и грабежей Урбан II предлагает рыцарству совсем другую войну – войну, справедливую по самой своей сути, ибо что может быть в глазах христианина более справедливым, чем защита христианских святынь? И какая прекрасная возможность показать свою воинскую доблесть и боевую выучку! А для тысяч Неимущих и Голяков это великолепный и, возможно, единственный шанс разорвать круг безысходности, выбиться из нищеты, причем самым благородным для рыцаря способом.

Стоит, вероятно, отметить и обещание папы римского, что церковь возьмет под свою защиту семьи уходящих в поход паломников и все их владения и имущество. В ту эпоху повальных грабежей и междоусобиц такое обещание дорогого стоило. Крестоносец, отправляющийся в далекий и опасный путь, мог быть, по крайней мере, уверен в том, что, вернувшись, он не найдет на месте родного дома пепелище, а семью умирающей от голода. Кстати, довольно малоизвестен тот факт, что церковь, беря под защиту семьи крестоносцев, обязалась и следить за тем, чтобы община не дала им умереть с голоду и снабжала самым необходимым. Причем это обязательство было действительным до возвращения крестоносца домой, а в случае его смерти во время похода – до совершеннолетия его детей. Для сотен тысяч крестьян, а порой и для неимущих рыцарей это часто означало единственную возможность спасти свою семью от голодной смерти, и, возможно, еще и поэтому крестьянская и рыцарская беднота проявляла самое большое рвение в принятии крестоносных обетов.

В общем, папский призыв к крестовому походу оказался тем несчастным случаем, когда произнесенные слова вступили в резонанс с господствующим настроением всего общества. Урбан II нашел струну, удивительно созвучную с духовным настроением самых разных социальных слоев, и слова его прозвучали на редкость своевременно. Вся Европа поднялась на защиту Святой Земли. И первой была деревенская беднота.

Глава 5

Крестовый поход бедноты

Во всей двухвековой эпопее крестовых походов в Святую Землю трудно найти событие более масштабное, волнующее и, до некоторой степени, даже иррациональное, чем то, которое в более поздние времена получило название «крестовый поход бедноты». Уникален, в первую очередь, сам масштаб этого явления: по подсчетам современных историков, число принявших крест, вероятно, превосходило пятьсот тысяч человек, а возможно, и приближалось к миллиону²⁴. Для средневековой Европы, где город в пять тысяч жителей считался крупным, а королевские и императорские армии редко превышали десять-пятнадцать тысяч человек, эти цифры кажутся просто невероятными. Но мы уже знаем, *что* стало причиной этого небывалого взрыва народного воодушевления. Теперь посмотрим, *как* это происходило.

В своей клермонской речи папа Урбан II, помимо всего прочего, назначил и дату выступления крестоносного воинства в поход – 15 августа 1096 года. Устанавливая такую довольно отдаленную дату, римский первосвященник учитывал все многочисленные трудности по организации этой крупнейшей общеевропейской акции. Значительное время было необходимо на сбор рыцарских ополчений, на подготовку вооружения и транспорта. Немаловажно и то, что день выступления приходился на время после сбора урожая, что позволяло обеспечить гигантское многонациональное войско крестоносцев съестными припасами на его пути к Константинополю, где был назначен общий сбор. Но эффект клермонской речи оказался гораздо более значительным, чем мог предполагать сам папа, и привел к таким последствиям, к которым церковь вряд ли стремилась.

Еще не успели просохнуть поля после зимних бурь и снегов, как крестьянскую Европу охватило невиданное доселе оживление. Деревенская беднота лихорадочно засобиралась в поход за освобождение христианских святынь. Не совсем продуманные обещания папы – а он обращал их, в первую очередь, к рыцарству – всколыхнули огромные массы крестьянства, особенно во Франции. Ведь впереди ждали свобода, богатство и, что очень ценно, полное отпущение грехов. Сотни тысяч крестьян точили свое нехитрое оружие – вилы, топоры, косы и прилаживали новые колеса к телегам. В страшной лихорадке и практически за бесценок распродавалось все оставляемое имущество – дома, сельскохозяйственные орудия, скот. По словам одного из летописцев, который был очевидцем этих горячечных сборов, Гвиберта Ножанского, «каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателем... За одну овцу раньше давали больше, чем теперь за двенадцать овец». И вот, сбыв все за гроши, крестьянин нашивал на грудь крест, сажал на телегу жену и детей и отправлялся в «путь по стезе Господней».

Конечно, одна лишь речь папы римского, какой бы она ни была яркой и многообещающей, не могла вызвать такого массового психоза. На помощь папскому престолу – вопрос, правда, в том, нужна ли была ему *такая* помощь – пришла многочисленная армия священников, монахов и просто юродивых. И в речах этих бесчисленных толкователей клермонского призыва простой народ услышал главное – в этом походе со святыми целями они завоюют свободу, богатство и райское блаженство. В далекой земле Палестины крестьяне рассчитывали добиться счастья и лучшей доли для себя и своих детей.

²⁴ Разумеется, далеко не все из принявших крест приняли реальное участие в крестовом походе. Церковь вскоре и сама ввела серьезные ограничения для потенциальных паломников, да и многие пилигримы ограничились паломничеством к более близким святым местам или просто материальной поддержкой похода. И все же количество участников Первого похода было для того времени поистине колоссальным.

Среди множества проповедников великого крестового похода особенно выделялся монах Петр из французского города Амьена, получивший прозвище Пустынник. Маленького роста, худой и уже довольно пожилой человек, он был прямо-таки двужильным. В грязной шерстяной хламиде, надетой на голое тело, с босыми ногами – а дело происходило зимой (!) – он неутомимо разъезжал на своем тщедушном ослике по лесам и полям Северной и Средней Франции, появляясь то в окрестностях Шартра, то на берегах Луары, то близ Парижа. И везде он собирал вокруг себя толпы бедняков – крестьян и рыцарей – и обращался к ним с призывом немедленно идти спасать Гроб Господень. С горящими глазами, похудевший от лишений и непрерывных постов, загоревший под южным солнцем (по его словам, загар этот он приобрел в Святой Земле), он производил такое сильное впечатление на уже и без того возбужденные слухами умы крестьян, что они толпами шли за ним как за пророком Господним.

Петр Пустынник был, несомненно, и выдающимся оратором, хорошо понимавшим психологию своих слушателей; он говорил именно то и именно так, что и как они хотели услышать. Кроме того, по свидетельству очевидцев, Петр, произнося речь, как бы воспламенялся от собственного голоса. Он рыдал, когда рассказывал о страданиях христиан в Святой Земле; его голос наливался яростью, когда он призывал отомстить «неверным». Сохранилось яркое свидетельство современника о том, насколько сильное впечатление производил Петр Амьенский на окружавших его людей. Вот это описание: «Я видел, как он проходил через города и селения, окруженный толпою, осыпаемый подарками, прославляемый всеми за святого, так что я думаю, никогда ни один смертный не был предметом такого восторга. Все приносимые ему деньги он отдавал бедным.... Все признавали его власть. Никто лучше его не умел улаживать несогласия и мирить самых жестоких врагов. Что-то божественное чувствовалось в его малейших движениях, во всех его словах. Доходило до того, что народ вырывал, как святыню, волосы у осла, на котором он ехал».

Не довольствуясь своим ораторским даром, Петр Пустынник придумал чудесную историю, которая должна была особенно сильно воздействовать на темные, невежественные умы крестьян. История эта, в которой малая правда искусно переплеталась с большой ложью (впрочем, вполне вероятно, что Петр, с его фанатизмом и способностью к внушению, загипнотизировал сам себя и искренне верил, что все, им рассказываемое, – непреложная истина), достойна того, чтобы пересказать ее более подробно.

По словам Пустынника, в 1094 году он отправился в благочестивое паломничество в Иерусалим и, вынеся в пути невероятные лишения и жестокие притеснения со стороны мусульман, сумел добраться до Святой Земли. И здесь, в храме Гроба Господня, после долгой покаянной молитвы, он узрел чудесное видение. Петру явился Спаситель в небесном сиянии и обратился к нему, слабому и хилому человеку: «Петр, дорогой сын мой, встань, пойди к моему патриарху (Иерусалимскому – *прим. авт.*) и возьми у него посланное мною письмо. У себя на родине ты должен рассказать о бедствии Святых мест и должен побудить сердца верующих очистить Иерусалим от жестоких притеснителей веры и спасти святых от рук язычников. Потому что врата рая открыты для тех, кого я избрал и призвал». И Петр рано утром пошел к патриарху. Патриарх (кстати, несколько не удивившись) дал ему письмо и очень благодарил его, а затем снарядил корабль, на котором Петр и отправился в длительное морское путешествие. Наконец, он прибыл в порт Бари, а оттуда попал в Рим. Там папа Урбан II со смирением и радостью принял слово призвания и отправился в Клермон проповедовать путь Господа.

История, безусловно, замечательная во всех отношениях. Петр Амьенский, ничтоже сумняшеся, объявляет самого себя (правда, при посредстве Спасителя) главным инициатором крестового похода, а папа лишь покорно выполняет его указания. Весьма и весьма эффектно. Для темной крестьянской массы тут есть все, что необходимо: и чудесные виде-

ния, и загадочные письма, и небывалое уважение к нищему оборванцу со стороны самого главы апостольской церкви. А главное, поход-то, получается, организовал сам Иисус Христос, а по Господней воле придут, конечно, и великие победы, и великие богатства.

И все бы хорошо, вот только жаль, что из всей этой истории единственной правдивой информацией являлось то, что Петр действительно принимал участие в паломничестве — правда, на год позже, в 1095 году, и вернулся оттуда, когда папа уже давно был во Франции. Он и до Иерусалима-то не добрался, согласно свидетельству византийской принцессы Анны Комниной, которой, безусловно, можно верить. И уж конечно, до 1096 года о существовании Петра Пустынника даже не подозревали ни папа римский, ни иерусалимский патриарх. Что же касается видения, то оно, возможно, имело место (у таких экзальтированных натур видения не редкость, и история знает немало подобных случаев), но вот только где и когда? Мы полагаем, что это могло произойти только уже после клермонской речи Урбана II (и под ее непосредственным влиянием), одним из тысяч слушателей которой и был, по-видимому, Петр Амьенский. Это, кстати, косвенно подтверждается и тем, что свои первые крестоносные проповеди он произнес в местечке Берри, находящемся совсем рядом с Клермоном. Так что вероятность того, что он лично присутствовал при клермонском призыве к крестовому походу, весьма велика. Ну, а дальше религиозный экстаз и фанатизм сделали свое дело.

Мы так подробно остановились на этой легенде потому, что и до сих пор среди людей, интересующихся историей, и даже в среде историков-профессионалов она, хотя и с оговорками, многими принимается на веру. На деле же, как мы видим, история эта не имеет ничего общего с реальностью. Теперь, отдав дань нелепым фантазиям монаха-отшельника, вернемся к временно оставленной нами бедноте.

Оружие крестоносцев

Итак, уже в марте 1096 года дороги Франции заполнили многотысячные толпы вооруженных чем попало крестьян, медленно пробиравшихся на восток, к Рейну, прозванному в те времена «поповской дорогой». В пути к ним присоединялись разного рода бродяги, беглый люд и просто разбойники, примкнувшие к походу кто из благочестивых побуждений, а кто

и из желания пограбить. Встали под крестьянские знамена и некоторые рыцари, особенно из числа безземельных и, соответственно, не имевших сюзерена, к которому они могли бы присоединиться в походе. Зачастую эти рыцари, как единственные знатоки военного дела, возглавляли самые значительные крестьянские ватаги. Так, одним из крупнейших народных отрядов предводительствовал некий Вальтер Голяк – обедневший рыцарь из Восточной Франции.

В апреле 1096 года разрозненные группы бедноты, ведомые Петром Пустынником, Вальтером Голяком и десятками других, неизвестных нам вождей, соединились в районе Кельна. Здесь Петр Амьенский начал проповедовать уже среди немецкого населения – благо, язык ему был знаком. Но в Германии агитация пошла хуже, чем во Франции. Возможно, виной тому было противодействие немецких феодалов, которые из-за продолжающейся борьбы между папством и Германской империей (см. об этом в гл. 2) вообще практически проигнорировали призыв чужого для них папы. Здесь уместно напомнить, что Германия, по указанию императора Генриха IV, должна была считать главой апостольского престола Климента II – антипапу, который лишь за три года до этого оставил град Святого Петра и бежал в Германию, под защиту императора. Во всяком случае, немецкие крестьяне начали подниматься далеко не сразу, и, в конце концов, Петр Пустынный, признанный глава похода, вскоре после Пасхи приказал французскому крестьянскому ополчению, во главе которого встал уже небезызвестный нам Голяк, двигаться к Константинополю, а сам остался в Кельне – убеждать недоверчивых немцев.

Судьба французской части бедняцкого крестоносного воинства оказалась довольно плачевной. Вот когда сыграло свою фатальную роль непродуманное решение Петра Амьенского и иже с ним о времени выхода в поход. Те припасы, которые крестоносцы сумели взять с собой (а их не могло быть много, так как весна всегда была для крестьян самым голодным временем года), быстро кончились; очень скоро вслед за ними закончились и взятые в поход деньги. К этому времени французская крестьянская армия только еще вышла к дунайским рубежам Византийской империи. До Константинополя оставался еще долгий путь через болгарские земли. Чтобы прокормиться, крестоносцы вновь разделились на несколько отрядов – ведь большую армию в походе прокормить намного труднее. Это решение оказалось для них роковым.

Не имея больше собственных припасов, новоявленные «Господни воины», чтобы не умереть с голоду, приступили к грабежу местного населения. Это, естественно, очень не понравилось болгарам, которые восприняли крестоносцев как захватчиков. Религиозные разногласия (болгары – православный народ) и языковой барьер только усугубляли ситуацию, не позволяя достичь хоть какого-то компромисса между войском французов и местными жителями. Болгарские крестьяне поднялись в свой «крестовый поход», и банды мародеров получили достойный отпор. Большинство французских крестоносных отрядов было уничтожено или рассеяно, и в итоге лишь небольшой костяк войска, не более десяти тысяч человек (в начале похода в крестьянской армии было, по разным данным, от шестидесяти до ста пятидесяти тысяч только боеспособных мужчин, не считая женщин и детей), во главе с Вальтером Голяком, сумел пробиться к Константинополю, где, к счастью, был приветливо встречен императором Алексеем.

Военное снаряжение крестоносцев

Более счастливая судьба (впрочем, до поры до времени) ждала вторую армию «Христово воинства». Состояла она, в основном, из немецких крестьян, все же сагитированных Петром Пустынником. Сорокатысячная крестьянская рать, ведомая этим новоявленным пророком, избрала иной путь к берегам Босфора. Возможно, отшельник получил какие-то сведения о судьбе предшественников, и, как человек, не совсем лишенный здравого смысла – а в молодости Петр некоторое время был рыцарем – повел свои полки прямой дорогой, через венгерские степи. Здесь тоже не обошлось без столкновений с местным населением, которое еще не совсем забыло, как полтора века назад держало в страхе всю Европу. Однажды войско Пустынника и вовсе оказалось на грани полного разгрома, но все же большей его части удалось пробиться на территорию Византии. В конце июля его разношерстные отряды прибыли к Константинополю.

Но и это еще не было концом сбора великого крестьянского ополчения. Вслед за первыми двумя по дорогам Европы двинулась третья, и самая большая волна «Христовых воинов». Она уже не имела единого командования и состояла из отрядов самых разных национальностей – итальянцев, немцев, англичан, скандинавов и даже испанцев, которым показалась слишком малым подвигом борьба с маврами-мусульманами в родной Испании. Доходило до курьеза, понять который можно, лишь постигнув душу тогдашнего темного, невежественного крестьянина, верившего в то, что в поход его ведет сам Бог. Предводителями одного из крупнейших крестьянских отрядов были... гусь и коза, которые шли перед войском и указывали ему путь к Иерусалиму. По мнению крестьян, эти животные были проникнуты божественным духом, и лучше любого рыцаря или монаха могли указать верную дорогу к Святому Гробу. Крестьянское знание географии вообще оставляло желать много

лучшего – при приближении к любому небольшому городку или замку дети, сидящие в телегах, спрашивали у своих родителей, не Иерусалим ли это, и не всегда могли получить ответ.

Важно отметить, что эта третья волна великого крестьянского выступления сильно испугала – да что там, попросту ввергла в панику феодальный класс. Обезлюдели тысячи деревень, некому было убирать господский урожай, не из кого стало выбивать налоги и недоимки. Это, антифеодальное по своей сути, движение, только проходящее под религиозными лозунгами, начало угрожать самим основам существующего строя. Действительно, это небывалое устремление народных низов к свободе, хотя и не направлялось прямо против господ, грозило лишить деревню рабочих рук, а может быть, и сломать всю социальную структуру общества. Лишь тогда церковники и сам папа Урбан II поняли, какую лавину они вызвали своими недостаточно продуманными воззваниями. И теперь те же тысячи священников, что еще месяц назад призывали всех к походу, принялись увещевать крестьян оставаться дома – они, мол, не умеют владеть оружием, а их семьи будут только обузой на долгом и трудном пути и могут помешать Христову воинству в его священной войне с неверными. На кого-то эти призывы возымели действие, и настоящего социального катаклизма удалось избежать. В этом последнем крупном народном выступлении уже меньше было собственно крестьян, и был особенно велик процент бродяг, нищих, разбойников с большой дороги и прочего деклассированного элемента. И это привело к довольно печальным последствиям.

Петр Пустынник проповедует крестовый поход. Гравюра Г. Доре

Дело в том, что эти толпы энтузиастов, распаляемые голодом и подстрекаемые своими вождями из фанатично настроенных монахов, не стали ждать далеких битв с неверными и обрушились на тех, кого они считали врагами Христа – на многострадальных евреев. В то время на берегах Рейна располагалось множество еврейских колоний, которые были многочисленны и богаты. Император и церковь, понимая всю выгоду хороших отношений, не препятствовали евреям в свободном исповедании их религии и не мешали им заниматься торговлей, ростовщичеством и разнообразными ремеслами. Со всего этого власти – и светские, и церковные – получали хорошие доходы в виде налогов и полупринудительных даров. Но для темной крестьянско-люмпенской массы евреи были врагами – и потому, что они были богаты, и потому, что верили «не в того» Бога, и вообще, как говорится, «евреи Христа убили». И по всей Германии покатился девятый вал погромов, убийств, грабежей.

Особенно свирепствовали отряды монахов-изуверов Готшалька и Фолькмара. Были убиты тысячи евреев, сотни синагог разрушены до основания. Зачастую бедные иудеи сами поджигали свои дома и, чтобы избежать ярости толпы, бросались в пламя или в воды Рейна.

Прокатившись кровавым потоком по Рейнской Германии, Баварии и Австрии, крестовые отряды к началу лета вышли к границам Венгрии. Но здесь они столкнулись с сильнейшим сопротивлением жителей, уже имевших опыт «общения» с крестоносцами Петра Амьенского. Один за другим венгры разгромили несколько крупных отрядов, и наконец у стен города Везельбурга дали бой главной армии крестоносцев под командованием графа Эмиха Лейнингенского. И здесь, в венгерской степи, слезы ни в чем не повинных евреев полностью отлились «воинствующим пилигримам». Почти все их войско – а, по свидетельству современников, в нем насчитывалось до двухсот тысяч человек²⁵ – полегло под копытами венгерских коней, и лишь жалкие остатки его смогли впоследствии добраться до Константинополя.

²⁵ Эта цифра, впрочем, вызывает серьезные сомнения.

Штурм крепости. Гравюра Г. Доре

Как бы то ни было, к началу августа под стенами византийской столицы оказалась огромная толпа нищих, оборванных, голодных, но вооруженных людей. До Константинополя дошло около шестидесяти тысяч крестоносцев-крестьян, и всю эту армию нужно было кормить. Причем, эта орда, лишенная мало-мальского понятия о воинской дисциплине, тут же приступила к тому, что у нее получалось лучше всего, то есть к грабежам. Уговоры сохранивших здравомыслие вождей, и даже самого Петра Пустынника, не возымели никакого действия. Нищие ватаги продолжали бесчинствовать: они разоряли сады и виноградники, поджигали дома и, забыв о своей святой миссии, начали грабить даже церкви и монастыри. После того, как в стычках с «франками» – так называли пришельцев византийцы – вдобавок еще и погибло несколько греков, терпение императора окончательно лопнуло, и он поспешил избавиться от столь опасного соседства. Собрал весь свой флот, он переправил крестоносцев на азиатский берег Босфора, в крепость Циботус (европейцы называли

ее Цивитот), непосредственно граничившую с владениями сельджуков. Алексей Комнин, несомненно, понимал, что это плохо вооруженное (Анна Комнина презрительно называла крестоносцев «безоружными толпами») и лишенное дисциплины войско не может воевать с сельджуками. По свидетельству современников, он даже пытался отговорить «паломников» от ведения боевых действий, советуя дождаться прихода рыцарского войска. Но ни его уговоры, ни увещания Петра Пустынника не помогли. «Христовы воины», охваченные духом благочестия и надеясь на богатую добычу, рвались в бой с сарацинами. В конце концов, Петр Амьенский, видя, что его авторитет уже ничему не может помочь, умывает руки и возвращается в Константинополь. С этого момента войско крестьян, лишенное теперь даже иллюзорного единоначалия, было окончательно обречено на гибель.

Впрочем, в первые недели «циботусского сидения» еще ничто не предвещало трагического исхода. В нескольких стычках крестоносцы нанесли поражение мелким сельджукским отрядам, а в начале октября крупный французский отряд совершил рейд под стены Никеи – она находилась в тридцати семи километрах – и вернулся оттуда с богатой добычей. Но удача французов, которая только разожгла аппетиты других отрядов, оказалась последним успехом крестоносцев. Национальные распри, в том числе и вызванные завистью к удачливым французам, окончательно разорвали всякое понятие о единстве «Христовой войска», и каждая национальная группа стала действовать сама по себе. Немецкая часть крестоносцев оставила укрепленный лагерь в Циботусе и двинулась на восток в надежде завладеть богатейшей Никеей – столицей Румского султаната. Недалеко от Никеи немецкие крестоносцы заняли укрепление Ксеригордон, но вскоре были окружены в этой крепости огромным войском сельджуков. В течение восьми дней германские крестьяне отбивали атаки врага, но в итоге, преданные своим вождем, неким Рейнальдом, перешедшим на сторону турок, были частью перебиты, частью взяты в плен.

Слух об окружении немецкого отряда дошел до главного лагеря в Циботусе, и все «Христово воинство» немедленно бросилось на выручку. При этом крестоносцы даже не позаботились о самых простых вещах, известных каждому военному – предварительной разведке или хотя бы боевом охранении. 21 октября 1096 года беспечная армия пилигримов, совершенно не ожидая нападения, приняла свой последний бой в долине, расположенной на полпути между Циботусом и Никеей. Первые же выстрелы турецких лучников окончательно смешали царивший до этого хотя бы минимальный порядок, а вслед за тем сельджукская конница обрушилась на дезорганизованное крестьянское войско. Для сельджуков – прирожденных воинов – крестоносцы стали легкой добычей. Разгром был полный. Около двадцати пяти тысяч крестьян пало здесь же, на поле битвы, тысячи попали в плен, и лишь немногим удалось вырваться из кровавого ада и проложить себе путь к побережью, где они были подобраны византийским флотом и вывезены в Константинополь. Но таких счастливых было очень мало – менее трех тысяч; все остальные нашли на азиатском берегу Босфора только собственную гибель.

Так бесславно и трагически закончилось величайшее народное выступление в истории средневековой Европы – крестовый поход бедноты.

Глава 6

Великое крестоносное воинство и его вожди

Когда деревенская беднота, гонимая религиозным фанатизмом, уже шла по дорогам Европы навстречу своей гибели, феодалы и рыцарство еще только готовились к крестовому походу. Сеньоры собирались обстоятельно – ведь поход обещал быть очень длительным и тяжелым. Нужно было собрать урожай, подготовить оружие и доспехи для себя и своей дружины, накопить достаточно денег, которые могли пригодиться в пути. Стремление феодалов любой ценой добыть деньги жестоко отразилось на крестьянах, и наверняка многие из них пожалели, что не ушли в крестовый поход еще раньше. Ведь теперь каждый землевладелец старался выжать из своих крестьян все, что возможно, все недоимки и платежи за несколько лет вперед. Но и этих денег было, конечно, недостаточно. Широко распространилась сдача феодальных владений в залог с правом выкупа по возвращении из похода. Деньги под залог охотно давали и монастыри, и наиболее дальновидные феодалы, прекрасно понимая, что очень многие крестоносцы никогда не вернутся домой, да и у многих ли возвратившихся потом найдутся деньги на выкуп? Залог стал прекрасной возможностью приобрести, фактически за бесценок, огромные богатства. Доходило и до курьезов: герцог Роберт Нормандский заложил все свои земли (десятую часть Франции) английскому королю Вильгельму II, своему брату, за десять тысяч марок серебра – сумму, по тем временам огромную, но совершенно несопоставимую с реальной стоимостью владений (двести-четырееста тысяч марок).

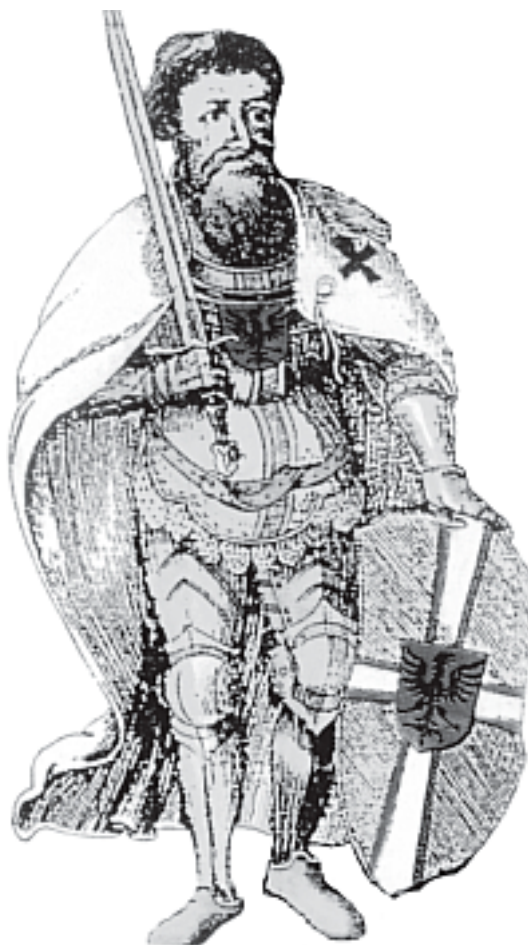
Что же заставляло феодалов идти на такие издержки и немалый риск? Конечно, имели место и совершенно иррациональная, нелепая вера в скорое баснословное обогащение, и свойственная тому веку убежденность в божественном промысле. Но для этой великой лихорадки займов, залогов и продаж имелись и более объективные причины. Чтобы понять эту ситуацию, нужно уяснить, что же представляла собой армия того времени, а в более широком смысле, – и вся средневековая военно-феодалная организация.

Выше уже говорилось об огромной стоимости рыцарской экипировки. Случаи, когда цена рыцарского снаряжения превышала ценность всех его владений, были не так уж редки. Судите сами: вот классическое вооружение феодала той эпохи. Первое место, конечно, занимал рыцарский конь особой тяжеловесной породы. Эти кони проходили долгое обучение и были предназначены не только для перевозки всадника. В бою такой конь превращался в адскую фурию, становясь живым оружием. Он был обучен кусать противника, бить его и передними, и задними копытами, таранить грудью врагов и даже небольшие укрепления. В опытных руках он представлял собой страшную силу. Более поздние времена знают случаи, когда несколько рыцарей обращали в бегство тысячные крестьянские толпы и даже крупные отряды легковооруженных воинов. Не зря уже в наше время конного рыцаря называли «танком средневековья». Необычайно высокой была и цена рыцарского коня – она достигала, а иногда и значительно превышала сумму в триста золотых безантов²⁶, что равнялось годовому доходу крупного баронского поместья.

Собственно оружие рыцаря составляли тяжелый обоюдоострый меч из довольно качественной стали и длинное (порой до шести метров длиной!) деревянное копьё с железным ромбовидным наконечником. Из-за того, что копьё при столкновении с противником часто ломались, требовалось иметь их с собой в изрядном количестве. По этой же причине в бою рыцаря всегда сопровождал оруженосец, одной из задач которого было быстро снабдить

²⁶ Безант – византийская золотая монета. В течение многих столетий сохраняла неизменный вес и нарицательную стоимость в серебре, благодаря чему стала основной счетной единицей денег в тогдашней Европе. На один безант можно было купить две овцы, на три безанта – корову.

господина новым копьем. К слову сказать, экипирование оруженосца, тоже стоившее немалых денег, было заботой рыцаря, а у крупного феодала таких оруженосцев было несколько (иногда десятки). Кроме того, у каждого рыцаря, помимо боевого коня, должен был быть и ездовой, а учитывая невероятную сложность предстоящего похода, то, конечно, и не один. Наконец, немалых средств стоили и доспехи: кольчуга, простая или двойная (кольца в ней искусно сплетались в два слоя, существовали и тройные кольчуги), или латы, в то время еще не сплошные, а также рыцарский шлем. И все это нужно было брать с запасом, так что вслед за крестоносными армиями двигались огромные обозы с доспехами, оружием и продовольствием.

Рыцарь-крестоносец

Таким образом, снаряжение даже одного рыцаря с обязательным оруженосцем стоило целого состояния, а с учетом ожидаемых огромных трудностей столь небывалого предприятия, суммы на экипировку еще больше возрастали. Но и это было не все. Крупные затраты феодалов были заложены уже в самой сущности феодализма и связанных с ним принципах формирования армии. Каждый землевладелец, владетель феода²⁷ должен был за свой счет снарядить и небольшой военный отряд пехотинцев: лучников, пращников, мечников. Они считались слугами рыцаря и официально не являлись воинами (miles) – таковыми числились только рыцари – однако были хорошо вооружены и представляли собой довольно организованную воинскую силу. Количество таких пехотинцев зависело от богатства и знатности

²⁷ Феод, или бенефиций – дар вышестоящего сеньора нижестоящему, чаще всего в виде земельного владения с крестьянами. Именно за вручением феода следовала вассальная клятва, о которой см. ниже.

феодала: за мелким рыцарем следовало 3-5 вооруженных воинов, владетельного же князя порой сопровождала целая армия в несколько тысяч человек. По подсчетам современных историков, в среднем на одного тяжеловооруженного конного рыцаря приходилось по десять пехотинцев. Впрочем, пехотинцы – название достаточно условное: в походе эти войска также передвигались верхом на лошадях, а при необходимости и в бой могли идти в конном строю.

Из вышесказанного вполне понятно, насколько велики были расходы феодалов на военные действия. Дальность же похода еще удваивала, а то и утраивала издержки, и впоследствии это стало одной из главных причин падения популярности крестоносного движения. Даже сверхудачный первый поход вряд ли окупил все материальные затраты организаторов, хотя и принес всем огромное духовное удовлетворение. Во всяком случае, становится понятным, почему, скажем, Первый и Второй крестовые походы разделило целых полвека. Однако крестоносное движение в его классическом виде (походы в Святую Землю) просуществовало почти два столетия, принципиально не меняясь. Почему же рыцари продолжали участвовать в походах, несмотря на большие финансовые потери? С религиозными стимулами все, в целом, ясно – они были достаточно серьезными. Второй цементирующей силой крестовых походов стали особые отношения, сложившиеся в феодальном обществе – так называемый вассалитет.

Рыцарский меч

Как правило, едва упоминается это слово, почти у каждого всплывает в памяти фраза: «Вассал моего вассала – не мой вассал.». И действительно, отношения подчиненности низших слоев дворянства высшим носили довольно сложный, если не сказать, запутанный характер. Некий барон мог быть вассалом (подчиненным) графа, который сам был вассалом герцога. Однако, барон герцогу не подчинялся, и герцог должен был сначала приказать графу, а уже тот давал указание барону. Больше того, у барона были и собственные вассалы, ответственные только перед ним. С точки зрения привычной для нас армейской дисциплины – очевидная нелепица: армия в такой ситуации становится трудноуправляемой. Еще хорошо, если во главе армии один командующий, связанный с вооруженным рыцарством цепочкой вассальных отношений. А если во главе войска несколько высших князей? А ведь именно так было в ходе большинства крестовых походов, в том числе и Первого, и это впоследствии сыграло важную роль в серьезных поражениях крестоносцев, о чем будет подробно расска-

зано в дальнейшем. И все же, несмотря на все свои минусы, вассалитет действительно долгое время обеспечивал крестоносное движение притоком все новых и новых «Христовых рыцарей», несмотря на крупные затраты и многочисленные неудачи. Каким же образом?

Вассальные отношения скреплялись клятвой верности вассала своему господину. За нарушение клятвы следовали довольно суровые наказания, важнейшим из которых было лишение нарушителя пожалованных ему земель. Кара более чем серьезная, и поэтому вассальная клятва, особенно для мелких феодалов, была важным стимулом для подчинения. Нарушив присягу, они могли потерять все средства к существованию. Для крупных владельцев с большими земельными угодьями это было меньшим сдерживающим фактором – ведь многие из них были связаны вассальными отношениями сразу с несколькими господами. Какой-нибудь герцог мог быть вассалом короля – как герцог, и в то же время владеть графством, пожалованным ему неким маркизом. И король мог обрушить кару на герцога, но ничего не мог сделать с ним как с графом. Эта чрезвычайно замысловатая иерархия веками поддерживала феодальную раздробленность, была и почвой, и топливом для многих дворянских мятежей. Порой вассалитет приводил и к абсолютно парадоксальным ситуациям. Так, например, английский король Эдуард III, будучи верховным сувереном у себя на родине, одновременно являлся вассалом французской короны как герцог Аквитании – территории на юго-западе Франции. Пока англо-французские отношения были мирными, эта ситуация могла бы вызвать только улыбку, но когда вспыхнула Столетняя война между Англией и Францией, аквитанским дворянам стало не до смеха. Ведь теперь, чтобы не нарушить клятву верности, они должны были воевать со своими соотечественниками на стороне чужеземцев! Вот таковы были парадоксы феодализма.

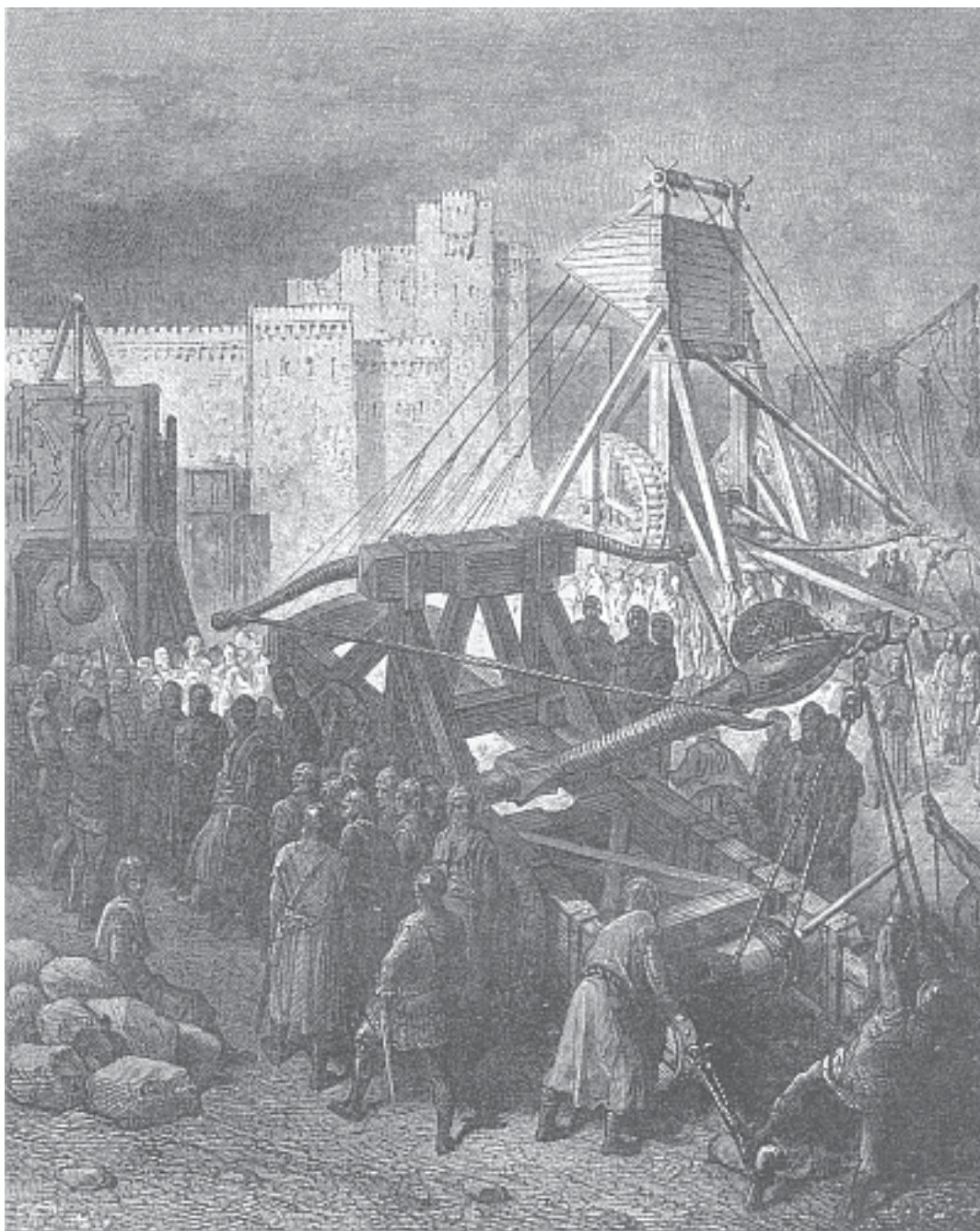
Вернемся, однако, к крестовому походу. Феодал объявлял о своем стремлении отправиться в вооруженное паломничество в Святую Землю, принимая крест. Само принятие креста считалось делом сугубо личным, так сказать, движением души. Но вассалитет, вошедший в дворянскую плоть и кровь, и здесь оказывал сильнейшее воздействие. Если герцог или граф принимал крест, большинство вассалов тут же следовало его примеру – из чувства долга или опасаясь немилости. В этом отношении весьма интересно свидетельство Жана де Жуанвиля, записавшего разговор двух рыцарей накануне Восьмого крестового похода. На вопрос собеседника, нужно ли им отправляться в поход, второй рыцарь заметил: «Если мы не примем крест, мы потеряем благосклонность короля; если же мы примем крест, мы потеряем благосклонность Господа Бога, поскольку сделано это будет не для Него, а только из-за боязни огорчить короля». Как же в этом случае поступили рыцари? Правильно, отправились в поход.

Само собой, чем ниже стоял сеньор на феодальной иерархической лестнице, тем меньшим влиянием он пользовался, однако суть дела от этого не менялась. Существует бесчисленное количество свидетельств о том, как тот или иной епископ, барон или другой сеньор принимал крест – и немедленно то же делали его домочадцы и вассалы. Такая практика сложилась уже перед Первым крестовым походом. Его серьезной особенностью было лишь то, что в нем не принял участия ни один из суверенных христианских государей²⁸, что в более позднее время стало почти правилом. И Первый крестовый поход уникален не только своим размахом, небывалым энтузиазмом крестоносцев и завершившим его грандиозным успехом. Он оказался единственным в своем роде, лишенным хотя бы какого-либо элемента единоначалия, соединив в одном войске нескольких совершенно независимых феодальных князей. Кто же были они – вожди Первого крестового похода, и кого они повели за собой?

²⁸ Суверен, или сюзерен – высшая ступень феодальной иерархии. Над сувереном господина уже не было. Суверенами были императоры и короли, хотя и здесь встречались исключения: так, чешский король был вассалом Священной Римской империи.

* * *

Еще на Клермонском соборе Урбан II определил дату выступления в поход – 15 августа 1096 года – и место общего сбора крестоносного воинства – Константинополь. Путь к столице греческой империи каждый руководитель отряда был волен выбирать себе сам. Однако уже в процессе подготовки сформировалось четыре основных центра сбора рыцарских ополчений. Это были: Северная Франция (позднее к северофранцузскому примкнуло фландрское войско); Лотарингия – территория со смешанным франко-германским населением; Южная Франция, т. е. Лангедок и Прованс – в то время практически независимая от французской короны, и населенная преимущественно провансальцами – народом, так и не ставшим нацией, однако в XI веке четко отделявшим себя от французов, а по языку и культуре близким к итальянцам; Южная Италия – территория, незадолго до этого завоеванная норманнами во главе с Робертом Гвискарсом. У каждого из ополчений были свои руководители, у каждого лидера – свои интересы и амбиции.

Машины крестоносцев для штурма крепостей. Гравюра Г. Доре

Самым пестрым по составу и количеству независимых вождей было Северное войско. Во главе собственно французских феодалов стояли граф Гуго де Вермандуа и Стефан, граф Блуаский и Шартрский. Первый из них был, пожалуй, самым знатным из всех участников Первого крестового похода, поскольку был родным братом французского короля Филиппа I. Вполне вероятно, что поначалу он предполагал возглавить всю Северную армию; однако ни его личные качества, ни реальные возможности (а богатством он уступал тому же графу Стефану) не позволили ему этого сделать. Обиженный граф решил отколоться и отправился с небольшой дружиной в Константинополь морским путем. Увы, ему не слишком повезло. Корабль, на котором плыл Гуго де Вермандуа, потерпел крушение у берегов Греции; сам граф спасся только чудом и в результате прибыл в византийскую столицу лишь с небольшим отрядом рыцарей и почти без средств к существованию. Впоследствии он играл в походе самую минимальную роль.

Стефан, граф Шартра, Блуа и Труа, в истории Первого похода фигурирует то как Стефан Блуаский, то как Стефан Шартрский. Чтобы не вносить путаницу, остановимся на первом названии. Так вот, Стефан Блуаский пользовался вначале довольно большим авторитетом. Он был одним из самых богатых людей своего времени – в частности, его земельные владения превышали домен²⁹ самого короля Франции, а количество принадлежащих ему замков сравнивали с числом дней в году. Кроме того, Стефан заметно выделялся среди других руководителей похода, людей малограмотных, а порой и вовсе неграмотных, своей высокой по тем временам образованностью. Он был весьма начитан, владел началами риторики³⁰, а потому неудивительно, что вскоре на совете вождей Северного ополчения Стефан был избран в его председатели, и одно время его даже прочили в военные руководители всего похода. Но уже после выступления в поход выяснилось, что Стефан, будучи всем хорош, богат и образован, несколько... трусоват. Его военная карьера стремительно покатила вниз, а участие в походе завершилось позорным и трусливым бегством из осажденной Антиохии. Впоследствии Стефан Блуаский искупил свое малодушие героической гибелью в так называемом Арьергардном крестовом походе и этим сохранил уважение потомков.

Совсем иными, чем Стефан, людьми (но очень схожими между собой) были два других вождя Северной армии, два Роберта – Роберт, герцог Нормандский и Роберт, граф Фландрский. Особенно колоритной фигурой был герцог Нормандский. Выше уже упоминалось о его совершенно залихватском деянии, стоящем на грани фанатизма и идиотизма – отдаче под мизерный залог всех своих огромных владений. Пожалуй, в этом и был весь Роберт Нормандский. Увлекающийся и бесстрашный, но безграмотный и не блистающий умом; великолепный рыцарь и воин, но совершенно никудышный полководец; старший сын знаменитого Вильгельма Завоевателя, выпустивший из рук английскую корону лишь по собственной безалаберности и лени – что к этому можно добавить? Действительно, Роберт Нормандский и в поход-то пошел, гонясь в первую очередь за рыцарской славой, а позже его непредсказуемые поступки на поле боя то спасали крестоносцев, то ставили их на грань поражения. Иное дело его войско, состоявшее из нормандских рыцарей, потомков свирепых викингов – вероятно, лучших воинов своего времени. К Роберту примкнуло немало и английских рыцарей, которые, впрочем, англичанами были только по названию, являясь теми же нормандцами, ведь норманнское завоевание Англии состоялось лишь за тридцать лет до этого, и все английское войско составляли сами завоеватели и их сыновья.

Роберт Фландрский был таким же бесстрашным рубакой, как и его нормандский тезка. Позже историки Первого похода называли его «мечом и копьем христиан». Прекрасный солдат, он, по выражению Эдуарда Гиббона, «иногда позабывал об обязанностях генерала». В общем, второе издание Нормандца, только «ростом пониже и мощной пожиже». Войско его также уступало нормандскому и в количественном, и в качественном отношении.

Несколько иным, чем в Северной армии, было положение в других частях *Великого крестоносного воинства* (выражение того времени). Отличие состояло, главным образом, в том, что во главе каждого из трех остальных рыцарских ополчений оказался авторитетный вождь, сумевший подчинить себе анархическую рыцарскую вольницу. Одним из таких полководцев был Готфрид (Годфруа) Бульонский.

Как и многие его соратники, Готфрид владел сразу несколькими титулами. Граф Бульонский по отцу, он по наследству от своего дяди по матери и благодаря личному расположению императора Генриха IV получил герцогство Нижней Лотарингии (на территории современной Бельгии и, частично, Франции и Германии, с преимущественно франко-

²⁹ Домен – от лат. dominus – господин. Владения верховного суверена, то есть господские, не находящиеся в вассальном подчинении.

³⁰ Риторика – наука об ораторском искусстве.

язычным населением). Это сразу поставило его в ряды крупнейших и богатейших феодалов того времени, поскольку Нижняя Лотарингия была одной из самых густонаселенных и экономически развитых областей Европы. Она непосредственно граничила с владениями графа Фландрского, но Готфрид Бульонский предпочел действовать самостоятельно – возможно, из религиозных побуждений (его войско было единственным, выступившим в точно назначенный папой срок), а может быть, опасаясь конкуренции. Позднейшие летописцы сделали из Готфрида Бульонского главного героя Первого крестового похода (каковым он в действительности не был), такого «рыцаря без страха и упрека», и до сих пор историкам трудно определить, где кончается правда и начинается легенда о Готфриде. Впрочем, можно с большой долей уверенности говорить, что для лотарингского герцога гораздо большее значение, чем для его товарищей, имели религиозные стимулы. Он пошел в поход не за рыцарской славой, как Роберт Нормандский – она и без того никем не ставилась под сомнение; не с целью добыть себе княжество на Востоке, как Боэмунд Тарентский – к чему оно было владельцу одной из богатейших земель Европы; похоже, он был единственным из лидеров крестоносцев, кто с гордостью мог носить звание «Христовой воина». Нельзя, конечно, сказать, что Готфрид был лишен честолюбия или не стремился к овладению богатствами, но эти желания у него все же были выражены не так явно, как у других крестоносцев.

Стоит упомянуть и о двух братьях Готфрида Бульонского, также участниках этого похода. Впрочем, старший, Евстафий, ничем особенным себя в походе не проявил, все время оставаясь в тени своего могущественного брата. Младший же, Балдуин, оказался одним из героев «святого странствования» и показал себя талантливым полководцем и абсолютно беспринципным политиком. Впоследствии именно он стал первым официальным королем Иерусалимского королевства.

Обратимся теперь на юг Франции, где на благодатных землях Лангедока и Прованса собиралась третья армия крестоносцев. Ее безоговорочным вождем был Раймунд Тулузский. Даже среди целого созвездия герцогов и графов, участников Первого похода, он выделялся своим колоссальным по тому времени богатством. Достаточно перечислить титулы этого уже пожилого – к началу похода ему перевалило за шестьдесят – искателя приключений. Раймунд, граф Сен-Жиль, граф Тулузский, герцог Нарбоннский, маркграф Прованский, был, возможно, в те годы самым богатым человеком Европы, не исключая английского и французского королей и даже, может быть, германского императора. Уже с самого начала похода Раймунд Тулузский стал претендовать на место верховного военачальника. Поручкой тому были и его баснословное богатство, и то, что он командовал самым крупным из всех ополчений, и, уж конечно, его испытанное благочестие. Граф Тулузский действительно был истово верующим католиком и, единственный из вождей похода, уже сражался с мусульманами в соседствующей с ним Испании. К тому же, он самым первым из крупных феодалов принял крест, сразу после Клермонской речи. Казалось бы, ему самой судьбой предназначено было стать предводителем всего «Христового воинства», ведь и в свои шестьдесят он отличался крепким телосложением и завидным здоровьем. Однако честолюбивым замыслам Раймунда Тулузского не суждено было воплотиться в жизнь. Все его плюсы с лихвой перекрывались его же минусами. Заносчивый и упрямый, честолюбивый сверх всякой меры, он быстро перессорился почти со всеми лидерами крестоносцев, а его полководческий дар, как быстро выяснилось, оказался близок к нулю. Религиозное рвение, возможно, и не показное, увы, заметно уступало его жадности. Он с самого начала сделал своей главной целью завоевание крупного и богатого княжества. И прежде всего он зарился на Антиохию – один из богатейших городов Востока, столицу древних эллинистических царей. Его непомерная алчность вызвала сильное противодействие у других князей – как тех, кто рвался в бой за святую веру, так и еще больше у тех, кто сам рассчитывал на хорошую поживу в походе. В

конце концов, Раймунду Тулузскому пришлось довольствоваться руководством только своими подданными.

Вожди Первого крестового похода. Гравюра XIX века

Между тем войско его, хотя и находилось под единым командованием, оказалось далеко не самой боеспособной частью крестоносных армий. Несмотря на долгую подготовку – а граф Тулузский, хотя и принял крест раньше всех, в путь отправился последним – его отряды в боевом отношении оставляли желать много лучшего. Тому было несколько причин. Одной из них была сама величина армии – вместе с примкнувшей к ней беднотой она составляла около ста тысяч человек. Удерживать такую орду в рамках воинской дисциплины было делом чрезвычайно трудным. Положение еще усугублялось тем, что войско набиралось в землях, сильно отличающихся друг от друга по языку и по культуре. Отряды испанских авантюристов соседствовали с когортами дворян Лангедока – самой боеспособной частью войска, а к провансальским полкам, сравнительно неплохо обеспеченным и вооруженным, при переходе через Ломбардию примкнули многотысячные толпы мелких итальянских дворян и простолюдинов, больше напоминавшие оборванцев времен весеннего похода бедноты. Не на высоте была и боевая подготовка Южного ополчения – Южная Франция славилась своими ремесленниками и торговцами, но никак не воинами, как, например, Нормандия. Слабая дисциплина и невысокие боевые качества армии Раймунда Тулузского еще не раз скажутся позже, хотя до роковых последствий дело и не дойдет.

Следует упомянуть и еще об одной живописной фигуре, сопровождавшей со своим отрядом армию графа Тулузского. Это Адемар де Пуи, епископ Монтейльский – номинальный глава похода, назначенный на этот пост самим Урбаном II. Он принадлежал к боковой ветви знаменитого рода графов Валентинуа, рода, восходящего чуть ли не к Карлу Великому.

Несмотря на свой духовный сан, он был отличным воином и, по словам хрониста, «ловок в седле». Как священнослужитель он не имел права проливать кровь, а потому в бою обычно пользовался окованной дубиной, владел которой превосходно. Поскольку численность его собственного войска была ничтожна, епископ Адемар и не претендовал на военное руководство, но дипломатические способности и неплохой ораторский дар часто делали его посредником в многочисленных спорах горячих крестоносных вождей. Как духовный глава похода, епископ Монтейльский оказался на высоте.

Теперь остается, наконец, кинуть взгляд на Южную Италию, где под руководством Боэмунда Тарентского формировалась последняя, самая малочисленная из крестоносных армий. Боэмунд, князь маленького княжества Тарентского, был, пожалуй, самым ярким персонажем действия, именуемого Первым крестовым походом. К моменту похода князю Тарентскому было уже около сорока лет, за его плечами были многолетние войны с Византией, десятки походов и сражений. Но казалось, это никак не отразилось на его облике. Он был строен и гибок, как юноша, несмотря на огромный рост; лицо дышало здоровьем и силой. Анна Комнина, дочь византийского императора, оставила нам замечательный по своей выразительности портрет этого старинного врага Империи: «Не было подобного Боэмунду варвара или эллина во всей ромейской земле – вид его вызывал восхищение, а слухи о нем – ужас. ...Он был такого большого роста, что почти на локоть возвышался над самыми высокими людьми, живот подтянут, бока и плечи широкие, грудь обширная, руки сильные. Его тело не было тощим, но и не имело лишней плоти, а обладало совершенными пропорциями... У него были могучие руки, твердая походка, крепкая шея и спина. По всему телу его кожа была молочно-белой, но на лице белизна окрашивалась румянцем. Волосы у него были светлые и не ниспадали, как у других варваров, на спину – его голова не поросла буйно волосами, а была острижена до ушей. Была его борода рыжей или другого цвета, я сказать не могу, ибо бритва прошла по подбородку Боэмунда лучше любой извести. ...Его голубые глаза выражали волю и достоинство. ...В этом муже было что-то приятное, но оно перебивалось общим впечатлением чего-то страшного. Весь облик Боэмунда был суров и звероподобен – таким он казался благодаря своей величине и взору, и, думается мне, его смех был для других рычанием зверя. Таковы были душа и тело Боэмунда: гнев и любовь поднимались в его сердце, и обе страсти влекли его к битве. У него был изворотливый и коварный ум, прибегающий ко всевозможным уловкам. Речь Боэмунда была точной, а ответы он давал совершенно неоспоримые. Обладая такими качествами, этот человек лишь одному императору уступал по своей судьбе, красноречию и другим дарам природы».

Боэмунд Тарентский действительно резко выделялся на фоне других крестоносных вождей. Он был старшим сыном от первого брака знаменитого норманнского вождя Роберта Гвискара, завоевателя Южной Италии и основателя норманнского государства на итальянской земле. Боэмунд сопровождал отца в его завоевательных походах, долгое время сам командовал войсками, сражающимися против Византии в горах Эпира и Македонии. Однако Роберт Гвискар, поддавшись на уговоры своей второй жены – принцессы из знатного итальянского рода – оставил почти все свои владения младшему сыну Роджеру, вместе с герцогским титулом. Боэмунду достался лишь город Тарент с окрестностями и громкий, но не подкрепленный богатствами титул князя. Обделенный наследник смирился с волей отца, но с этих пор ничего не желал так сильно, как добыть для себя земельные владения, власть и доходы не меньшие, чем у его удачливого сводного брата.

Многолетние войны с Византией явились для Боэмунда отличной школой. Он стал великолепным знатоком военного дела, не стеснясь учиться этому у своих врагов – наследников славы победоносного Рима. А хорошее знакомство с изощренными хитросплетениями византийской политики, помноженное на его собственные таланты, резко выделяло его из среды европейских феодальных властителей того времени – как правило, необразованных и

обладающих весьма узким кругозором. Даже внешне он больше походил на византийца, чем на католического воина – он брился и стригся, сильно отличаясь этим от бородатых и длинноволосых крестоносных вождей. Ясное понимание политической ситуации и всех трудностей похода, четкое осознание своих собственных целей также возвышали его над соратниками. Блестящий полководец, умный, хитрый и коварный политик, он, по словам Анны Комниной, «хитростью и отвагой... превышал всех прочих латинских князей настолько же, насколько уступал им богатством и численностью своих войск».

Армия Боэмунда действительно была невелика – в количественном отношении она в четыре-пять раз уступала ополчениям Раймунда Тулузского или Готфрида Бульонского. Но по своим боевым качествам отряды тарентского князя, безусловно, были лучшими в крестоносном воинстве. Это было, в том числе, и заслугой самого Боэмунда, отказавшегося брать с собой многочисленные толпы плохо вооруженной бедноты, также рвущейся в поход. Соотношение рыцарской конницы и пехоты в армии Боэмунда Тарентского не превышало один к трем, что выгодно отличало ее от других католических армий, перенасыщенных неповоротливой, недисциплинированной и небоеспособной пехотой. Очень важно было и то, что большинство его рыцарей были норманнами (правильнее, конечно, «нормандцами», но пусть останется устоявшийся термин), то есть прирожденными воинами, к тому же имевшими многолетнюю практику войны с Византийской империей. Потомки викингов, державших в страхе всю Европу, потомки тех бойцов, что совсем недавно завоевали Англию и Италию, они, вместе со своим талантливым предводителем, по существу, составили ядро крестоносного войска и, несмотря на свою малочисленность, сыграли огромную роль в успехе Первого крестового похода.

Таковы были вожди и таковы были армии, которые осенью 1096 года двинулись по дорогам Европы, с тем, чтобы соединиться в Константинополе и начать свой великий поход за освобождение Гроба Господня.

Глава 7

Крестоносцы в Византийской империи

Раньше всех крестоносных вождей в «путь по стезе Господней» двинулся герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский, имевший под своим началом около десяти тысяч конных воинов – рыцарей и оруженосцев – и до восьмидесяти тысяч пехоты. Ополчения его собирались близ берегов Рейна, и потому выбор пути для Готфрида был ясен: он остановился на сухопутном варианте, кровавом и печальном пути похода бедноты. Но лотарингский герцог оказался вполне на высоте положения; он учел грустный опыт своих предшественников и перед вступлением в Венгрию заключил с венгерским королем Коломаном договор о взаимном ненападении, благодаря чему почти без потерь прошел и Венгрию, и Болгарию. Лишь во Фракии, уже в преддверии византийской столицы, он разрешил своей армии грабежи – либо вследствие того, что у войска кончались припасы, либо для того, чтобы показать Алексею I Комнину свою силу. Позднейшая легенда о том, что своим приказом грабить Готфрид мстил императору за арест и заключение Гуго де Вермандуа, едва ли имеет под собой реальную почву. Брат французского короля был принят Алексеем весьма торжественно, был обласкан и одарен, ведь на графа Вермандуа хитроумный Комнин возлагал немалые надежды.

И здесь надо четко представить себе то положение, в котором оказался властелин некогда могучей, а ныне только-только начавшей восстанавливать свои силы Византийской державы. Когда 23 декабря 1096 года Алексей I со стен своей столицы смотрел на подходящие к великому Константинову граду полчища лотарингцев, то уже очень хорошо знал, что это только начало. Ведь еще осенью император получил донесения о том, что «весь Запад, все варварские народы, живущие от Адриатического моря до Геркулесовых Столпов»³¹ двинулись на Восток. А это представляло для империи огромную проблему.

³¹ Геркулесовыми Столпами в эпоху античности называли Гибралтарский пролив, соединяющий Атлантический океан со Средиземным морем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.